

ЗЕМЛЯ БЕЛОВСКАЯ

Очерки об истории нашего города и края

Автор Михаил Юрьевич Живописцев¹

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	ЧАСТЬ II. ПАМЯТЬ СЕРДЦА
ЧАСТЬ I. ОТЧАЯ ЗЕМЛЯ	ГЛАВА 1. ПУТЬ В «КУЗНЕЦЫ»
ГЛАВА 1. ГЛУБОКИЕ КОРНИ	Сибирский тракт
Деревня Белова	Казачья дорога
Караганская волость	Тайна старого колодца
Уроп – старинная деревня	По водному пути
Сибирские чалдоны	Иня, мать – река
Волость имени царя	ГЛАВА 2. КАТОРЖНЫЙ КРАЙ
ГЛАВА 2. СЕЛО КОНЕВО – НАШ БЛИЖАЙШИЙ СОСЕД	Кузнецкая тюрьма
Истоки	Фальшивомонетчики
Краснова ляда	Острог
Родной очаг	Разбойничий двор
Борзячи луга	Русская водка и Кузнецкий край
ГЛАВА 3. ПОСЕЛОК БАБАНАКОВО	ГЛАВА 3. НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВУ
Начало	Пограничная линия
Переселенцы	Аскарлы – Солдатское село
Новоселы	Сибирские полки
Горючий камень	Под Андреевским флагом
Часовня Иоанна Крестителя	Судьба солдата
ГЛАВА 4. ПУТЬ К ХРАМУ	О чем поведала старая фотография
Петро-Павловская церковь	ГЛАВА 4. СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО
Трагедия Салаирского храма	Ярмарки
Священник Леонтий Попов – основатель Салаирского храма	Кумыс – древнейшее лекарство
Село Красное 33	Оружейники
	История одного экспоната
	Кузнецкие лошади
	Сибирский климат
	Сибирский телеграф
	Литература и источники 75

¹ При использовании данных материалов ссылка на источник обязательна.

От автора

Эта книга – итог более чем десятилетней публицистической деятельности на страницах областных и городских газет. Давно задуманный цикл материалов по истории нашего города печатался под рубриками: «История края Кузнецкого», «К 65-летию города Белово», «Как это было».

Материал собирался по крупицам. Долгая работа в архивах области, музеях Новосибирска, Кемерово, Новокузнецка, Минусинска, Гурьевска, а также встречи с интересными людьми обогащали бесценной информацией, интересными фактами, событиями... При глубоком изучении многих вопросов становилось понятной закономерная связь Белова и поселков с деревнями района и ближайшими городами: Кузнецком (Новокузнецк), Новониколаевском (Новосибирск), Гурьевском, Салаиром.

С 2000 по 2003 годы удалось обработать и опубликовать на страницах городской газеты «Беловский вестник» более 50-ти разноплановых исторических очерков – своеобразных экскурсов в прошлое.

Весь этот необъятный материал не увидел бы свет, если бы не помощь множества людей.

Поистине кладзем знаний о крестьянском быте, традициях и обычаях русских переселенцев и старожилов стали уроженка села Конеево Лидия Алексеевна Антонова и директор музея истории крестьянского быта села Красное Нина Ивановна Калиничева.

Автор нескольких телеутских книг и словарей Людмила Тимофеевна Рюмина оказалась ценнейшим консультантом во время работы над материалами о телеутских селениях. Настоящим хранителем истории родного поселка Бабанаково стала ветеран труда Александра Ивановна Сукманова.

В работе над очерками о Петро-Павловской церкви мною использованы свидетельства и воспоминания настоятеля этого храма отца Сергия (Мосолова), к сожалению, ушедшего из жизни осенью 2003 года, и Нины Владимировны Поповой из поселка Инской.

По архивным данным удалось восстановить карты-схемы Николаевской, Караканской, Бачатской и Телеутских волостей, на территории которых раскинулся сейчас город Белово. С высоким профессионализмом и необычайным старанием их воссоздала специалист городского управления архитектуры и градостроительства Тамара Анатольевна Бердникова.

В течение многих лет неизменными помощниками были Поликарп Терентьевич Семибратов, Петр Афанасьевич Паршуков (не успевший дожить до издания этой книги) и многие другие беловчане.

Особые слова признательности хочется выразить работникам центральной городской библиотеки, Беловского историко-краеведческого музея, архивного отдела администрации г. Белово.

В подготовке этой книги, не жалея сил и времени, участвовали фотокорреспондент Сергей Викторович Ярцев и Сергей Владимирович Макрушин (компьютерная верстка).

Неоценимую помощь в издании книги оказали городской оргкомитет под председательством зам. главы города Елены Ивановны Кокориной и члены оргкомитета зав. отделом по работе со СМИ администрации г. Белово Наталья Павловна Попова и главным специалист отдела Татьяна Степановна Леушина.

Надо сказать, что первым читателем многих черновых материалов стал бывший глава города Белово Геннадий Петрович Шатилов. Это с его благословения и при горячей поддержке бывшего зам. главы города Нины Андреевны Ивушкиной была начата работа над книгой. Искреннюю благодарность хотелось бы выразить заведующему горфинотделом Дмитрию Георгиевичу Филиппову – одному из первых вдохновителей воплощения в жизнь данного проекта.

Предложения читателей оформить собранные и напечатанные в газетах в разные годы очерки в единый сборник тоже стали одной из причин рождения «Земли Беловской».

Надеюсь, что настоящая книга в какой-то мере поможет восполнить несправедливо забытые и утраченные страницы дореволюционной истории нашего города (кстати, в 2006 году город отметит свое 280-летие со дня основания). Хотелось бы, чтобы книга стала полезной для педагогов и молодого поколения беловчан, для тех, кому небезразлично историко-культурное наследие своей малой родины.

Михаил Живописцев

[в содержание...](#)

ЧАСТЬ I. ОТЧАЯ ЗЕМЛЯ

ГЛАВА 1. ГЛУБОКИЕ КОРНИ

Деревня Белова

*История предков всегда
любопытна для того,
кто достоин иметь Отечество.*

Н.М. Карамзин.

С 1618 года, когда был основан Кузнецкий острог, территория Кузбасса входила в состав Сибирского царства, охватившего всю Сибирь, уже присоединенного к русскому государству. Сибирское царство управлялось Казанским дворцом из Москвы (позднее Сибирским приказом). С введением губернского деления образована Сибирская губерния. Вскоре после присоединения Кузнецкой земли к России на большей ее части был образован Кузнецкий уезд. В 1804 году уезд вошел во вновь созданную Томскую губернию.

В 1630 году в нашем уезде были «государевы ясачные волости» Еленская, Итеберская, Сарачерская, Каргинская, Кумандинская, Кузенская, Комляшская и другие. Но эти волости не были еще административно-территориальными единицами и служили только для того, чтобы удобнее было собирать ясак и другие подати с местного населения.

К началу XVIII века Кузнецкий край был населен чрезвычайно редко. По атласу С. Ремизова 1701 года на всей территории современного Кузбасса насчитывалось не более сорока русских селений.

Медленно шло заселение территории Беловского района. Одной из первых появилась деревня Бачаты. В 1626 году на реке Большой Бачат русские казаки и служилые люди заложили будущий

центр волости.

В списке населенных мест Сибирского края указывается, что в 1676 году основана деревня Сартаково. Первыми поселенцами этого населенного пункта, расположенного на реке Уроп, были русские крестьяне Сартаковы, по фамилии которых и была названа деревня. Существовало еще одно название, сейчас прочно забытое – Валки. Видимо, первоначально вокруг деревни была земляная насыпь.

В первой половине XVIII века число поселений увеличивается. В 1726 году беглым горнозаводским рабочим Федором Беловым основана одноименная заимка – Белово. В 1727 году на берегу реки Ини закладывается деревня Старо-Пестери, годом позже Грамотеино. Потом появляются Поморцево, Сидоренково, Коновалово, Евтино, Пермьяки. Основная часть сел и деревень района первоначально входила в Бачатскую волость, возникшую в первой половине XVII века. Кстати, эта волость упоминается в документах и за 1723 год. Через сорок лет в Бачатской волости было 5280 жителей, а к 1892 году в нее входило тридцать населенных пунктов с общим населением более 10 тысяч человек.

Однако в конце XIX – начале XX века из Бачатской волости выделилось несколько отдельных территорий: Николаевская, Караканская и Телеутская волости.

В Бачатской волости остались деревни Белово, Артышта (Бороденково), Мамонтово, Шестаки, Оселки и другие.

Наш город начинался с заимки на берегу реки Бачат (сейчас это микрорайон Старо-Белово).

Фёдор Белов с женой и двумя сыновьями Семёном и Гаврилой и были первыми русскими жителями будущего города Белово.

Педагог школы № 10 Светлана Шатайло в фондах Алтайского госархива обнаружила имена первопоселенцев заимки Белова.

В год основания города старшему Семёну Белову было 11 лет, младшему 9. Прошли годы, они завели свои семьи. С тех пор и пошла ветвь Беловых расти и расширяться. У Семёна Фёдоровича Белова в семье было семеро детей, у младшего брата Гаврилы Фёдоровича – девять. В 1763 году, во время подворной переписи, жителей деревни Беловой уже насчитывался 71 человек. Кроме Беловых, составляющих подавляющее большинство жителей деревни, появились и другие русские переселенцы: Савва Афанасьевич Бестемьянов, Фёдор Фёдорович Скударнов, Иван Алексеевич Прокудин и Матвей Иванович Бастрыгин.

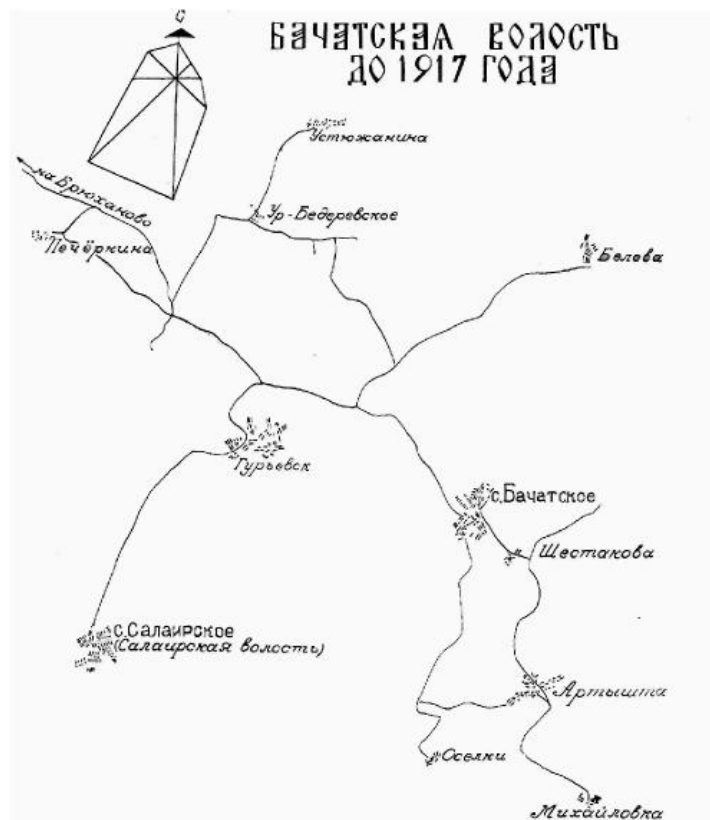
*На снимке: дом дореволюционной постройки
в поселке Старо-Белово*

Вместе с Беловым эти семейные династии стали основой старожильческого населения будущего посёлка Старо-Белово.

По документам 1782 года в деревне Беловой на берегу реки Бачат жили 83 человека. В списке населённых мест Колыванской области за этот год в разряде «Кузнецкого ведомства деревни» были указаны: «село Бачатское, деревни Белова, Колмогорова..., Старо и Ново-Пестери».

Сейчас в городе и в районе живут потомки беловских первопроходцев. В дальнейшем, по существующей в то время системе учёта населения, в статистических отчётах регистрировались только мужчины, поэтому точно определить количество жителей деревни Беловой довольно трудно. Так, в 1822 году, во время царствования Александра Первого, здесь жило 60 душ мужского пола. К 1835 году мужская часть населения увеличилась на 19 человек. По всеобщей переписи 1859 года в деревне Беловой в общей сложности числился 241 житель. Во время отмены крепостного права в России только мужского населения в деревне занесли в списки 125 человек. В этом же 1861 году общее количество жителей превысило две с половиной сотни человек. Из них под фамилией Беловы было записано 92 семьи.

И в последующие годы эта фамилия была распространённой в нашем городе. По данным Беловского ЗАГСа, который существует с 1925 года, фамилии Беловы, Бастрыгины, Прокудины довольно часто встречаются в записях начала двадцатого века. Например, в 1925 году, по неполным данным, родилось 8 человек под фамилией Беловы, в 1926 году уже 18 человек, в 1930 году новорождённых с фамилией Белов или Белова зарегистрировано 38 человек.

На рисунке:
Карта-схема Бачатской волости

[В содержание...](#)

Караканская волость

Наш город, как архипелаг, раскинулся на огромной территории. И дальше поселки, как острова в океане, удалены от центра на расстояние нескольких десятков километров.

Один из них, пожалуй, самый молодой, носит название Новый Каракан. В состав города он вошел только в 1999 году. Однако не все знают, что расположен он на землях старинной Караканской волости Кузнецкого уезда. Да и своим названием он обязан стародавнему селу Каракан.

Пересекая степное ядро Кузнецкой котловины недалеко от села Каракан, не перестаешь любоваться узким и острым гребнем Караканского хребта. Тянется он с северо-востока на юго-запад. Холмы, покрытые редколесьем на юге, немного изменяют свой рельеф и называются Нарынскими горами.

С невысокой вершины хребта (всего какая-то тысяча метров над уровнем моря) видна изумительная панорама. На севере и востоке синее тайга, покрывающая склоны Тарадановского увала, Салтымаковского хребта и Кайлотских гор, а вокруг, сколько хватает глаз, тянется лесостепь. И еще одна особенность этих мест: в 15 километрах от Каракана в направлении Новохудяково на невысоком холме находится географический центр Кузбасса, то есть средняя точка Кемеровской области. Еще в 1968 году поставили на этом месте памятную чугунную плиту.

В зарослях прибрежных ив, в тени березовых лесов, где в реку Иню впадал прозрачный ручей Каракан, и появилась русская заимка. Основана она, видимо, в конце XVI – начале XVII веков. По ручью и нарекли будущее селение Караканским. Существует несколько версий объяснения этого названия. В одном случае это буквальный перевод «кара» – черный, черная, «канн» – кровь, то есть «черная кровь». В другом случае это переводится как «черная гора». Есть еще одно толкование этого

названия. Известный краевед В. М. Шабалин считает, что «топоним Каракан образован от тюркского «кара», в данном случае имеющего значение «родниковый», и общесибирского древнего термина «канн» – река. Следовательно, Каракан – «родниковая река».

Еще в XVII веке побывала здесь экспедиция исследователя Сибири Г. Ф. Миллера. Он описывал в своем путевом дневнике те деревни, где удалось побывать. На берегу реки Ини нанес он на карту село Верхне-Уенское (Уень – древнее название реки Ини), или Караканское. Так что это село давнее, и история его насчитывает несколько веков.

В XIX веке село становится центром культурной и торговой жизни местной округи. Каракан объединял земли по верхнему течению Ини. В 1859 году в селе было 296 жителей и 48 хозяйств. Еще в 1854 году построили в Каракане свою церковь. А в конце века, в 1892 году, при ней открыли церковно-приходскую школу. Вскоре село становится центром волости. В состав Караканской волости вошли деревни Сидоренково, Коновалово, Евтино, Пермьяково, Рямовая, Чигирь, Каралда, Чекмарев, Гладково, Уроп и другие. Автор книги «История Беловского района» Г.И. Артемов приводит такой факт: «...в селе по пятницам и субботам проходили базары, куда нередко приезжали не только крестьяне из окрестных сел, но и купцы из Бачат, Брюханово, Салаира, Гурьевска. Базар имел оборот более 300 рублей за два базарных дня».

В год 50-летия отмены крепостного права в России повсеместно была проведена Всеобщая перепись населения империи. Таким образом, судя по результатам переписи, в 1911 году в селе Караканском жило 588 человек мужского и женского пола, а количество крестьянских подворий перевалило за сотню. Многие пережило это село – и гражданскую войну, и коллективизацию. В 1932 году, судя по сохранившейся газете «На штурм» за 28 сентября, Каракан входил в Коноваловский сельсовет. Кстати, села и деревни этого сельсовета считались тогда передовыми. Например, колхозники из Каракана приняли активное участие в движении «красных обозов» по сдаче зерна государству. 25 сентября 1932 года в Белове состоялся слет «красных обозов», в котором приняли участие 2446 подвод. Только селяне Коноваловского сельсовета доставили в Белово 260 подвод с хлебом.

В 1950 году Каракан даже сам являлся центром одноименного сельсовета, в который вошли деревни и поселки Красный Пригорок, Черемшанка, Листвянка, Брянский, подсобное хозяйство Беловского цинкзавода. В 60-х годах снова был создан единый Коноваловский сельсовет.

Интересно, что до начала 70-х годов сохранились место и остатки нижних венцов стен церкви. Е.Н. Антонов, уроженец тех мест, рассказывал мне об этом. Так уж получилось, что сейчас он является председателем КСУ пос. Новый Каракан. Поэтому эта земля ему вдвое дороже.

Карта Караканской волости.

[в содержание...](#)

Уроп – старинная деревня

Наши места поражают своей особой, какой-то спокойной красотой. Прекрасна и неспешная Иня, рождающаяся из неприметного ручейка у деревни Инюшка. И даже цивилизация не смогла до конца уничтожить, разрушить пленительное обаяние неброской красы Ини. Река течет, минуя села и деревни нескольких районов. Она умножает свои воды, впитывая жизненные силы множества больших и малых притоков. Один из них – Уроп. Правый приток Ини зеленоватой лентой несет свои воды через притомские лесостепи. Весной вышедшая из берегов река захватывает широкую полосу пойменных лугов с прибрежными зарослями ивы и камыша.

В давние годы многоводная, богатая рыбой река Уроп приглянулась первооткрывателям. Так на берегу этой реки появились первые заимки.

В нашем районе сохранилось множество непонятных для русского слуха названий. Одно из них – Уроп. Краевед В.М. Шабалин так переводит это слово: «В основе названия кетско-ассанский географический термин «Ур» – река и индоевропейский, более древний, географический термин «Об» (Op) – река. То есть получается «река рек». Сейчас трудно установить точную дату возникновения на реке Уроп одноименной деревни. По словам В.М. Шабалина, это XIX век. Но есть утверждение, что поселение возникло раньше. Известный беловский художник Петр Афанасьевич Паршуков, уроженец Уропа, по воспоминаниям старших восстановил свое «генеалогическое древо» до пятого колена. Его предок, Николай Паршуков (отчество неизвестно), родился в Уропе в 1795 году, еще во времена царствования Екатерины II. Его сын Николай Николаевич Паршуков появился на свет в этой же деревне в 1832 году. Через год после отмены крепостного права у Николая Николаевича родился сын Ефим. Дальше Петр Афанасьевич уже отчетливо помнил своего деда Ивана Ефимовича Паршукова, который родился в 1880 году и умер в 40-х годах XX века.

Хорошо помнил П.А. Паршуков и своего отца, Афанасия Ивановича, участника гражданской войны, который 22-летним парнем участвовал в штурме Перекопа в Крыму. Все его предки были коренными жителями Уропа.

Одними из основателей деревни называют Агеевых. По утверждению старожил, они бывшие донские казаки, бежавшие в Сибирь от расправы за участие в крестьянской войне под предводительством Емельяна Пугачева. Так и жили не один век потомки донских станичников Агеевых в Уропе. Семейные ветви этой фамилии разрастались и, переплетаясь с другими, вскоре составили огромное количество дальней и ближней родни.

До революции Никифор Матвеевич Агеев в Уропе был человеком приметным. Богатая усадьба с амбарами, конюшнями и домом стояла там, где сейчас находится школа. Севернее, за усадьбой, раскинулось большое уныло-серое кладбище с покосившимися от времени деревянными крестами. А дальше сплошной непроглядной стеной стоял дремучий лес. За оградой сразу же начиналась лесная опушка. Буйные заросли дикой смородины, малины, кислицы подбирались прямо к изгороди.

В крепком хозяйстве Никифора Матвеевича работы хватало всем. Агеевы держали лошадей, коров, овец, огромное количество разнообразной домашней птицы и не поддающееся учету поголовье свиней. Всю весну, лето и начало осени свиньи сами себе находили корм. И только после Покрова, когда окончательно наступала зима, свиное поголовье с потомством возвращалось в хлев.

В Уропе долго вспоминали один курьезный случай. Однажды, роясь в согре на берегу реки, любознательные поросята выкопали из тины гигантскую кость. Огромная «бабка», часть сустава мамонта, была так прочна и объемна, что ее использовали вместо одной из подпорок большого амбара. Амбар простоял многие десятки лет на такой своеобразной опоре.

Нужно отметить, что такие находки на территории города и района были не редкими и в до-революционное время, и уже в наши дни. Об этом свидетельствуют кости мамонта, найденные в разные годы и хранящиеся в Гурьевском, Кемеровском, Новокузнецком и других музеях области.

Например, в сентябре 1950 года рабочий шахты «Чертинская» Семен Петрович Хлыбов при проходке шурфа на глубине 30 метров обнаружил странную находку. Когда ее подняли на поверхность, оказалось, что это останки древнего мамонта. Зуб весом около 5 кг, бивень и другие кости ископаемого гиганта были отправлены в краеведческий музей города Сталинска (Новокузнецка). Об этом писала газета «Знамя коммунизма».

[в содержание...](#)

Сибирские чалдоны

Старожилы и их потомков в Сибири называли «чалдонами». Трудно сказать, откуда пошло это название, но версий по этому поводу немало. В словаре В.И. Даля слово «чалдон» или «челдон» считается монгольским заимствованием и переводится как «бродяга», «беглый», «варнак», «каторжанин». В словаре В. Боровникова, изданном в 1853 году, «чалдон» – производное от монгольской ругательной клички «шолдон» – презираемый, негодный человек.

Бытовало это в разговорном языке и вскоре приобрело оттенок шуточного прозвища. Историки как-то все обходили этот вопрос стороной, считая его не особенно серьезным. Выпускник Санкт-Петербургского университета, уроженец села Красное Ленинск-Кузнецкого района Валерий Кимеев давно уже интересовался этой темой. Его книга «Касьминские чалдоны» о быте и культуре старожилов соседней с нами Касьминской волости (ныне Ленинск-Кузнецкий район), пожалуй, одна из первых серьезных работ в этом плане. «У современных потомков чалдонов бытуют семейные предания, согласно которым предки их были высланы (или переселились) в Сибирь «оттуда, где реки Чал и Дон

слились». Поэтому и стали они называться на новой родине чалдонами. Подобную легенду приходилось неоднократно слышать от своей матери чалдонки, отмечает В.М. Кимеев. Этнограф Е.Ф. Фурсова записала рассказ о казачьем происхождении чалдонов. «Челны (или чалы) тащили по Дону как бурлаки, от этого и пошло название «чалдоны». «Эти люди, по рассказам дедов, приехали с рек Чал и Дон. Песни у чалдонов такие проголосные и мотив такой, как у донских казаков».

Беловский краевед Г.И. Артемов считает, что это всего лишь любопытная легенда: «Сейчас некоторые уверяют, что чалдоны – это казаки, пришедшие с Дона и его притока Чалки. Не знаю, есть ли такая река Чалка, и если даже она есть, то едва ли две-три сотни казаков могли дать название населению от Урала до Амура. А вот старейшая жительница села Челухоева телеутка Наталья Степановна Хлопотина объяснила это слово просто: «По-бурятски слово челдон означает бродяга, пришлый, беглый». Это ближе к истине.

У старожилов-чалдонов интересен и язык, который сложился за две сотни лет. Выговор их узнаваем везде, тем более слова его своеобразны и необычны по своему происхождению.

П.А. Паршуков, уроженец села Уроп, считал себя потомком сибирских чалдонов. Его давно заинтересовал говор старожилов. Петр Афанасьевич составил даже небольшой словарик с чалдонскими выражениями. Вот несколько из них: ланись – прошлый год, пятры – чердак, под крышей, шабур – одежда из толстого материала, типа халата с опояской. Опояска – тканый цветной пояс с кистями, атымалка – тряпка для мытья посуды.

Славились чалдоны также своей опрятностью и природной чистоплотностью, что закрепилось в поговорке: «Чалдоны – крылечки скоблены». Старожилы довольно пренебрежительно относились к привычкам пришлого населения содержать скот зимой в избах, рубить головы курицам на крыльце, использовать для мытья питьевую посуду, да и самим мыться не в бане, а в устье русской печки, заключает по воспоминаниям односельчан В.М. Кимеев.

К своему названию чалдоны прибавляли эпитеты «долгоспинные» (долгополые), «желторотые». Последнее слово «желторотые» объясняет легенда, записанная Е.Ф. Фурсовой: «Когда чалдоны на Дону не приняли новую никонианскую церковь, их стали гнать в Сибирь, на восток. Шли они ротами (группами), а в каждой роте были пояса своего цвета: у одних красные, их называли «красноротые», у других желтые. Оттуда и пошли «желторотые чалдоны», которые поселились в наших местах». (Не оттого ли и пошла обидная кличка для чалдонов – желтопупые).

Таковы легенды, которые помогают более глубоко и всесторонне подойти к изучению вопроса о происхождении коренного населения нашего города и района.

[в содержание...](#)

Волость имени царя

Жители деревень Грамотеиной и Колмогоровой когда-то назывались николаевцами.

...Из края в край.

Вот видишь: тут Москва,

тут Новгород, тут Астрахань.

Вот море. Вот пермские дремучие леса,

а вот Сибирь...

А.С. Пушкин. «Борис Годунов».

Указом от 26 января 1822 года Сибирь была разделена на генерал-губернаторства: Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское. Центром Западно-Сибирского генерал-губернаторства сначала был Тобольск, а с 1838 года – Омск. В это губернаторство входили Тобольская и Томская губернии и две области: Семипалатинская и Сибирских киргизов. Губернии делились на округа. В Томскую вошли Томский, Каннский, Барнаульский (горный) и Кузнецкий.

В 1858 году округа были повсеместно реорганизованы в уезды. Уездная реформа в Сибири проходила медленно. Только в начале XX века Кузнецкий округ был переименован в уезд. Многолетняя Большая энциклопедия под редакцией С.Н. Южакова, выходившая в Санкт-Петербурге в 1896-1900 годах, указывает, что Кузнецкий округ объединял сорок волостей с 678 селениями. Скорее всего, здесь не учитывается то, что в 1856 году часть волостей вошла во вновь образованный Мариинский уезд.

В конце XIX века некоторые территории были названы именами самодержцев царствующей династии. Так появились Романовская, Александровская и Николаевская волости.

Приток переселенцев значительно увеличивал население сел и деревень. В конце XIX – начале XX века из Бачатской волости выделилась самостоятельная территориальная единица. По ходатайству волостного схода, который одобрил и томский губернатор, волость получила название Николаевской. Для этого необходимо было высочайшее соизволение монарха Николая II, в честь которого и названа новая волость, раскинувшаяся по берегам Ини, Мерети и Ура.

Николаевская волость на севере граничила с Кольчугинской (ныне Ленинск-Кузнецкий район), на западе с Бачатской, на юге с Телеутской, а на востоке с Караканской волостями Кузнецкого края. Село Мохово до 1917 года находилось в Кольчугинской волости и практически было расположено на границе с Николаевской волостью.

Работа в архивах с материалами Новосибирского историко-краеведческого музея позволила восстановить контуры волостей, впоследствии ставших основой территории нашего города и района.

Специалист городского управления архитектуры и градостроительства Тамара Анатольевна Бердникова почти тридцать лет работает с картами и схемами города и района. Она оказала огромную помощь в создании картографических материалов по истории нашего края. По крупицам воссоздается облик сел и деревень XIX – начала XX веков. Например, сложно было вычертить контуры прежнего русла реки Ини (до сооружения водохранилища). На картах 1960-х годов на месте деревни Коротково было отмечено Колмогурово, таким образом, их оказалось две (одна около Грамотеино). Согласно архивным материалам деревня была основана в XVIII веке. Названа она в честь переселенцев Коротковых и Колмогуровых. Долгое время село было широко известно как Колмогурово, а затем оставили только одно название – Коротково (Беловского района), а первое название помнят только старожилы. В 1859 году по переписи, проведенной в Российской империи, в этом селе уже было 77 жителей и 10 хозяйств.

Если проследить границы Николаевской волости и сравнить их с современными очертаниями городской черты и районных земель, то получится довольно любопытная картина. В состав волости входили не только сохранившиеся до наших дней деревни, но и поля, где сейчас находятся поселок Грамотеино, микрорайоны Колмогуровы, Новостройка.

Волость также объединяла несколько сел и деревень: село Старопестеревское, деревни Коневы и Поморцево (Гаиново) и село Меретское. Все они были старожильческими (старожилами счи-

тались крестьяне, которые поселились здесь еще до реформы 1861 года). По указу 8 марта 1861 года они получили статус «свободных сельских обывателей».

[в содержание...](#)

ГЛАВА 2. СЕЛО КОНЕВО – НАШ БЛИЖАЙШИЙ СОСЕД

Истоки

В состав Николаевской волости в начале XX века входило и село Конevo. История его довольно любопытна.

Беловчанка Лидия Алексеевна Антонова, уроженка Конева, очень много сделала для сохранения истории своей малой родины. На протяжении многих лет она записывала воспоминания старожилов, своих родственников, родителей. Большое количество бесценных свидетельств о том, как жили люди в селе 100-200 лет назад, передавалось от поколения к поколению в виде устных рассказов.

Истоки появления села восходят к временам стародавним. И, пожалуй, в этой связи необходимо сказать о Кузнецке, месте, от которого «пошла наша Кузнецкая земля».

Долгое время Кузнецкая крепость оставалась важнейшим военно-стратегическим пунктом на южном фланге русской колонизации Сибири.

Для защиты города и предместных деревень в крепости имела военная сила – казаки, на протяжении XVII века воинский гарнизон Кузнецкой крепости постоянно увеличивался. Если в 1625 году там было около 80 человек, то в середине 30-х годов более 100, в 1655 году общее количество служилых людей увеличилось до 187, в 1679 году их было 232, а в начале XVIII века уже три с половиной сотни.

Основной костяк жителей города составляли преимущественно пешие и конные казаки.

Архивные данные за 1698 год позволяют судить об этом более точно. В то время в Кузнецке было 89 конных и 130 пеших казаков. Постоянные лишения и трудности, участие в стычках с кочевниками выковали особый тип людей – смелых и решительных, неподатливых на страх. Такими были наши предки.

История появления многих сел и деревень района и области неразрывно связана с Кузнецком – форпостом русского продвижения вглубь сибирских земель. В личном архиве Л.А. Антоновой хранится номер «Народной газеты» за 1919 год, которая издавалась в Томске. В ней, в частности, говорится, что вблизи Кузнецка до начала XX века сохранились села и деревни, появившиеся еще в XVII–XVIII веках. Это деревни Антонова, Бызова, Терехова, Мокроусова и многие другие. В основном название деревень связано с фамилиями их основателей, как правило, казаков.

Появление деревни Конevo, пожалуй, созвучно со всей историей освоения Кузнецкого края. Одна из версий, по которой можно предположить, что основателями села были кузнецкие казаки, довольно вероятна. Еще в начале XVII века в состав гарнизона попали донские казаки. Они вошли в конный отряд Кузнецкого острога. Их потомки стали уже коренными сибирскими казаками. Конные казаки, продвигаясь в глубь территории будущего Беловского района, и основали деревню Конevo.

Отголоски донских казачьих традиций, уклада хозяйственной жизни долгое время сохранялись в селе. Об этом говорили старожилы.

Известный исследователь края В.М. Шабалин выдвигает еще одну точку зрения: по его мнению, деревню основали переселенцы из Европейской части России Коневы.

Наши предки умели выбирать для поселения не только удобные, но и красивые места.

Так, в XVIII веке в живописном логу, где в полноводную Иню впадает река Ур, появились первые дома. Удивительно, что, судя по рассказам старожилов, в этом месте тогда рос непроходимый лес. Хвойные и лиственные деревья еще сто лет назад густо покрывали берега.

Начинали строиться на приглянувшихся полянах, их называли елани. В пойме реки Ур простирались заливные луга. У деревни две реки, соединяя свои воды, неслись дальше и, петляя, образовывали омуты и заводи, где в изобилии водилась рыба. На свободных от леса местах устраивали сенокосы. Уже к 1859 году в деревне (тогда Бачатской волости) Кузнецкого уезда значился 301 житель мужского и женского пола. По берегу Ура растянулись 54 крестьянских подворья.

Особенно интересны дома, построенные в деревне Конево в конце XIX века. Некоторые из них сохранились до сих пор.

За рекой Ур, поодаль, тянется грива. Каждую весну у подножия гривы пылают костром море огоньков. Сейчас это место зовут Гривой, а старожилы помнят его как Караульный мыс. В давние века, когда наступали лихие времена и на уезд налетали кочевники (а бывало это частенько), устраивали на этом мысе караульный дозор. И если подступала к деревне беда, караульщики подавали об этом немедленный знак. В случае опасности зажигались дозорные сигнальные костры. Люди поднимались по тревоге.

В прежние времена в Конево не только ездили на лошадях, но и ходили пешком. И в Белово, и обратно. Старые люди так рассказывают: «Как только поравняешься с Караульным мысом, сразу же перед взором открывается панорама села. И вздохнет усталый путник, промолвив про себя: «Вот я и дома». Потому что весь оставшийся путь перед глазами неотступно будет Конево, раскинувшееся в логу у блестящей ленты реки.

[в содержание...](#)

Краснова ляда

*Отчая земля,
живущая в каждом из нас изначальным составом,
в сибиряке существует более требовательной страстью –
потому, быть может, что и досталась она с великими трудами...*

Валентин Распутин. «Сибирь, Сибирь...»

По документам прошлых лет ясно, что контуры волостных границ сложились не сразу. Село Конево долгое время входило в самую старую в нашем районе волость – Бачатскую.

В «Ведомостях» о состоянии крестьянских хозяйств Бачатской волости за 1901 год указывается и деревня Конева. Видимо, выделение ее в отдельную Николаевскую волость произошло позже.

До 1917 года Конево официально именовалась деревней. И только в 20-е годы происходит изменение статуса этого населенного пункта. В дошедшей до нас газете семидесятилетней давности «На штурм» Конево уже не только село, но и центр одноименного сельсовета.

По словам Г.И. Артемова, в деревне в начале XX столетия было 75 дворов, в 72 из них жили Коневы. Кстати, такое соотношение сохранялось многие годы. Даже в начале 20-х годов XX века в Коневе жило более 70 семей с этой фамилией. Чтобы как-то их различать между собой, в деревне и

появились прозванья.

Передаваясь из поколения в поколение, они становились второй неофициальной фамилией. Кстати, такую особенность подметил в донских хуторах и станицах М. А. Шолохов. В одной из деревень района мне приходилось слышать много диковинных, необъяснимых уличных прозваний. Например, странное, ненашенское прозвище Шахабат приклеилось к одному обычному русскому мужику. Вся семья унаследовала это прозвище. А отчего так было, может, кто сначала и помнил, да с годами память об этом затерялась.

Л.А. Антонова, по рассказам своей бабушки, приводит такую любопытную подробность: «У прадеда Константина Васильевича Конева (родился он где-то в 1850-х годах) были редкие для этих мест медного цвета усы. Вот и прозвали его за эти усы с красноватым отливом Красновым. А уважительно величали батя Красный. И вся семейная линия получила прозвание – Красновы».

Как старожилы, они имели свои нерушимо закрепленные за каждой семьей покосы, луга и пашни. В крестьянской общине это было нормой, и никто эту древнюю традицию не нарушал. При огромном запасе земель первые крестьяне деревни выбирали себе уголья сами. Однако пашню надо было еще освободить от леса. Основателям деревень и сел в Кузнецком уезде, с его бескрайними лесными просторами, приходилось отвоевывать у тайги каждый клочок земли. Этот тяжеленный, почти каторжный труд – корчевать пни, выжигать корни и возделывать целину – был только частью всех забот о земле. Нужно было постоянно бороться за свою распаханную полоску, иначе лес наступал на отнятую у него с такими трудностями землю.

Как-то Красновы расчистили от таежного бурелома пашню. И из года в год стали ее засеивать. Так и повелось называть ее – Краснова ляда. «Ляда» по Далю – это земля, поросшая лесом. А способ такого лесного полеводства получил название «лядинного». Так и сохранялась в нескольких километрах от Конева поляна в лесу, пока, уже в наше время, не затянуло ее порослями молодых осин и березок. А сейчас того места уж, верно, и не найти.

[в содержание...](#)

Родной очаг

*...А пыль забвенья вековую
Сотри заботливой рукой.*

А.С. Хомяков, русский писатель и поэт XIX века.

В архиве Географического общества России в Санкт-Петербурге хранится «Атлас Томской губернии». Начертан он в 1821 году. На одном из листов атласа есть карта Кузнецкого уезда Горного ведомства. На ней показаны все деревни и поселки того времени. Среди них и деревня Конево.

Л.А. Антонова рассказывает, что Василий Иванович Конев, который упоминается в «Истории Беловского района» Г.И. Артемова, ее прапрадедушка. Она добавляет, что он был одним из прямых потомков основателей села Конева. Родился Василий Иванович в 1820 году. Согласно справке, хранящейся в семейном архиве, умер В.И. Конев в 1930 году в возрасте 110 лет. Появившись на свет в эпоху Александра I, он пережил пять императоров и ушел из жизни в годы сталинского правления. Крестьянский труд, железное здоровье, таежный воздух – все это вместе взятое и позволило дожить до таких лет, сохраняя до последнего дня светлый ум и твердую память.

Его сын Константин Васильевич родился в середине XIX века. Женился он на Вере Евлантьевне (девичья фамилия – Путинцева) 1855 года рождения, родом из другого села.

На фото 30-х годов XX столетия они сидят рядом. Заезжий фотограф уговорил их сделать снимок на память. Как люди религиозные, они считали грехом фотографироваться, поэтому эта карточка оказалась единственной.

Константин Конев в конце XIX века построил свой дом. Строил на века. Этот дом, пережив революции и коллективизацию, стоит до сих пор и, пожалуй, выдюжит еще столько же. Довольно интересна технология строительства. Оказывается, крестьяне были искусными плотниками, столярами, печниками. Эти навыки передавались от отца к сыну.

Лес для строительства заготавливали рядом с деревней. Старательно и придирчиво подбирали прямые лиственницы. Начинали валить деревья обычно осенью или зимой. Особо качественный материал заготавливали с Николина дня (Никола зимний 6 декабря по старому стилю). Лиственничные бревна выдерживали около двух лет. И только после сушки, как правило, весной, обычно «Великим постом», начиналась закладка новых изб. И пошел по деревне стук топоров. Обязательно захватывали Троицу. Даже поговорка была такая: «Без Троицы и дом не строится».

Всегда не перестаешь удивляться тому уникальному умению и таланту, с которыми наши предки подходили к любому делу. Основные инструменты были довольно примитивными: долото, скобель, приспособление в виде серпа с двумя ручками для ошкуживания бревен, отвес да топор. Правда, топоры были разными – тесла, им как рубанком строгают плахи, делали доски. Более узкий топор назывался «дровосечным» и так далее.

В качестве фундамента служили огромные мощные кряжи из лиственницы. Чтобы не брала их гниль, бревна вначале обжигали. Крепость их и долговечность вызывает изумление. Когда в одном из домов (переваливших вековой рубеж) заливали фундамент, пришлось вынуть эти кряжи. Дерево, сто лет пролежавшее в земле, приобрело такую плотность, что не поддавалось бензопиле.

Только через несколько лет смогли эти лесины распилить и расколоть. На сколах оставался первозданный красноватый цвет.

При закладке дома обычно клали под красный угол деньги – для богатства, шерсть – для тепла и ладан – для святости. Полы настилали из толстых лиственничных плах. Готовили их особо – раскалывали клиньями бревно вдоль, а потом тесали его. Подгонка плах была столь точной и аккуратной, что через сто с лишним лет полы остаются столь же плотными и не знают коробления и скрипа. В сруб между бревен закладывали мох.

По воспоминаниям старейших жителей села, дома рубили из лиственницы, применяя способ крепления бревен между собой под названием «обло». Интересно, что такая техника была распространена по всей Сибири. Вот выписка из археологического отчета о раскопках на территории бывшей Кузнецкой крепости: «В культурном слое почти полностью уцелела нижняя часть дома постройки XVII века. Судя по остаткам первого венца, дом был рублен из лиственничных бревен в обло, чашкой вверх. Пол из широких толстых плах был настелен на редкие поперечные лаги. Печь глинобитная, на помосте из расколотых пополам бревешек...». Очень уж схоже это описание с устройством домов и в XVIII, и в XIX веках.

В новый дом лучше всего было входить в один из двенадцатых церковных праздников. Самый благоприятный день для вселения в новое жилье было Введение Пресвятой Богородицы во храм

(этот праздник отмечается 4 декабря). Такая тесная связь с церковными датами не случайна. Дом вообще почитался, как домашний храм. Например, стол назывался престол, был красный угол с иконами и так далее.

Вообще нужно сказать, деревенские жители очень любили свой дом, родной очаг, всегда с уважением относились и относятся к родительскому дому. Все здесь напоминает о предках, людях трудной, но интересной судьбы, давших жизнь многим поколениям.

Особо хотелось бы сказать о той трепетной и неиссякаемой любви, которую питали сельчане к родному селу. И, уезжая из дома даже не надолго, всегда скучали по родным местам. Об этом свидетельствуют даже старинные частушки. Вот одна из них:

Красногорка на горе –
Провалиться бы тебе,
А Конево в логу –
Наглядеться не могу.

На снимке:

Один из домов, построенных в начале XX века

[в содержание...](#)

Борзячи луга

Пожалуй, среди сел и деревень нынешнего Беловского района деревня Конева была особой. В этом населенном пункте эффективнее и быстрее, чем в других селениях, развивалось скотоводство. И самое главное то, что там в давние времена разводили породистых лошадей. Земледелие хотя имело

значение в общей системе хозяйства деревни, в целом все же являлось вспомогательным и второстепенным делом.

Бесспорно, основной и постоянный доход для части местных жителей приносило коневодство. Это был главный источник прироста капитала, умножения богатств.

Поднять вековую сибирскую целину без двух-трех сильных лошадей невозможно. Поэтому спрос на коней всегда был велик. Добавим к этому то, что немалая часть крестьян округа исконно занималась извозом. И, наконец, в сибирских армейских частях конский состав постоянно формировали за счет поставок лошадей местными конезаводчиками и коневодами.

В Сибири, полосе рискованного земледелия, не всегда можно было надеяться на урожай. То засуха, то внезапные заморозки обрушивались на крестьянские поля.

Особенно жестокие неурожаи пережил Кузнецкий округ в 1863-1866 годах. Только в один из этих годов в наших местах было шесть сильных «градобитий».

В конце XIX века в деревне проживало более четырехсот человек. Рабочих лошадей числилось 625. В пять раз больше, чем в селе Меретском, и в два раза больше, чем в селе Салаирском – крупном торговом волостном центре. Все это не считая немалого конского поголовья, разводимого для продажи.

В дореволюционном справочнике о Новониколаевске (Новосибирске) говорится, что самой значимой во всей округе являлась Дмитровская конная ярмарка в селе Брюхановском (ныне село Красное Ленинск-Кузнецкого района). Находится оно недалеко от Конева и, возможно, являлось еще одним рынком сбыта лошадей.

Однако уже тогда существовали постоянные оптовые покупатели лошадей. Например, в деревню часто наезжал томский купец из инородцев по имени Карим. По тому, как он любовно оглаживал чистокровных коней, удовлетворенно хлопал по лоснящемуся крупу, было видно, что лошади из Конева ему очень нравились. Хотя стоили они дорого, но за прекрасные качества, красоту и выносливость многие готовы были платить немалые деньги. Так, если рабочая лошадь оценивалась в 15-25 рублей, то породистые верховые скакуны стоили не менее ста рублей. Деревня вообще славилась большим количеством лошадей и коров.

Г. Артемов приводит данные за 1901 год о том, сколько скота имелось в каждом дворе. «...Василий Иванович Конев имел 35 лошадей и 30 коров, Евстигней Степанович Конев – 30 лошадей и 40 коров, Иннокентий Киприянович Конев – 20 лошадей и 15 коров. Всего свыше 20 лошадей имели 5 дворов, от 10 до 15 коров – 15 дворов, от 5 до 10 – 15 дворов».

Старожилы вспоминают, что у некоторых Коневых было столько скота, что, когда его выпускали на водопой, это было внушительное зрелище. Первые лошади и коровы стада уже входили в реку, а последние еще оставались в пригонах. А до Ура от дома было не так уж близко. Держали свиней, овец, которым счету не было. Из домашней птицы ценились гуси. Гусиное поголовье на крестьянских подворьях всегда было многочисленным. Кроме того, неприхотливость гусей позволяла содержать их сотнями без особого ухода. С ранней весны и до глубокой осени стада гусей паслись на лугах в поймах рек, на берегах многочисленных озер. И когда гусиное стадо выходило из речки, чуть ли не пол-луга покрывалось сплошным белоснежным ковром.

Многие коневские жители, если и не занимались извозом, то часто ездили на лошадях в дальние, за много сот верст, большие города – Томск, Новониколаевск, Барнаул, Кузнецк. Продавая про-

дукты сельского хозяйства, мороженые туши и т.д., крестьяне привозили мануфактуру, сельхозорудия, одежду и даже стулья. Такие, фабричной выделки, стулья в деревне назывались ампирами (то есть в стиле ампир). Некоторые даже сохранились до нашего времени.

Было в нескольких верстах от Конева место с довольно странным, на современный взгляд, названием – Борзячи луга.

Происхождение его довольно интересно. Еще в древние века быстрых лошадей называли борзыми. Это подтверждает и памятник древнерусской культуры – «Слово о полку Игореве». На этих лугах паслись табуны лошадей, что и послужило поводом к появлению такого редкого названия.

[В содержание...](#)

ГЛАВА 3. ПОСЕЛОК БАБАНАКОВО

Начало

*...И куда судьба меня ни бросит,
Где бы ни пришлось скитаться мне –
Знаю, сердце любящее спросит,
Помню ль о родимой стороне.*

Л. Торгаев.

Поселок Бабанакovo – один из тех населенных пунктов, который вместе с микрорайоном Старо-Белово составил ту основу, вокруг которой и начал затем расти и формироваться город. И потому история этого горняцкого района началась не в советское время, а гораздо раньше. По мнению кузбасского краеведа В.М. Шабалина, это поселение было образовано оседлым телеутом Бабанакoвым. Еще в XVIII веке появилась здесь его заимка. В основе фамилии «Бабанакoв», давшей название поселку, лежит тюркско-телеутское понятие «баба», «паба», то есть «отец», «дед», «предок». Однако в начале XX века в деревню приехали Бабанакoвы из России, которые основали еще одну ветвь этой фамилии. Долгое время деревня была одним из телеутских улусов, где обособленно жили и русские семьи. По свидетельству В.М. Шабалина, до 1917 года поселок имел официальное название «Бабанакoвский аил». В 1865 году, согласно подворным спискам, в этой деревне проживало 116 человек. Необходимо добавить, что статистические данные второй половины XIX века не всегда были точными. Часть телеутов иногда меняла местожительство, часть, хотя и числилась в деревне, давно перекочевала в другие улусы. Так, в 1877 году в Бабанакoве жило 295 инородцев – 149 женщин и 146 мужчин. Через двенадцать лет в документах указывалось, что телеуты населяют 48 дворов, число же жителей уменьшилось и составило 273 человека. Во время всеобщей переписи населения 1897 года количество жителей Бабанакoва осталось прежним, правда, среди телеуток появились три русские женщины. В 1901 году обозначился временный отток коренного населения из Бабанакoва. На начало века в деревне было 130 мужчин и 112 женщин.

Это время для Сибири было особенным. Огромные потоки переселенцев из центральных областей России наводнили окраины империи. Количество русского населения в волостях Кузнецкого уезда постоянно увеличивалось.

В Бабанакoве вскоре вырос небольшой русский поселочек. Вообще крестьяне из России обычно если и селились возле телеутских улусов, то старались обосноваться единой общиной. Так возникла улица Озерная. Интересна история ее названия. Улица тянулась вдоль обширного озера ме-

жду поселками Бабанаково и Калтайка. Оно образовалось рядом с речкой Бачаты. Весной, во время половодья, речка выходила из берегов и заполняла огромное пространство за деревней. Озеро осушили, а название так и осталось.

Беловчанин А.И. Бабанакوف рассказывает, что его дед Яков Яковлевич поселился в деревне примерно в 1908 году. На улице Озерной он построил двухэтажный дом из лиственницы, который сохранился до сих пор. Правда, от времени первый этаж как бы врос в землю. А отец Иван Яковлевич родился в 1912 году уже в Бабанакове. Иван Яковлевич Бабанакوف вспоминал, что вокруг деревни было множество свободной земли, но их семья из года в год распахивала свое поле возле Поморцева (Таинова).

По мнению деда Якова Бабанакова, на этих землях урожай моркови и картофеля был особенно богатым. Поэтому и не ленился он ездить в такую даль на заливные луга реки Ини, старательно обрабатывать облюбленный им огород.

Еще один потомок старожилов, Петр Антонович Бабанакوف, помнит семейные предания, согласно которым его дед Федор Иванович еще до революции поселился на Озерной. Он основал там свою заимку в том месте, где проходит лог. А отец Антон Федорович прожил в поселке 82 года, родившись в самом начале XX века, в 1901 году. В 30-х годах их дом разобрали и перевезли на кирзавод.

Большинство жителей деревни носило одну фамилию – Бабанакovy. Даже в 20-х годах XX века в поселке было 77 семей с этой фамилией. До сих пор в городе и в районе живут потомки первых поселенцев поселка. Есть они в области и даже в других регионах России.

Александр Иванович Бабанакوف, служивший в конце 60-х годов прошлого века в Хабаровске, заинтересовался тем, что в их части работала женщина-повар с такой же фамилией. Разговорились. Оказалось, землячка из Бабанакова. Еще маленькой девочкой родители увезли ее из поселка. Поэтому она смутно помнила родные места.

[в содержание...](#)

Переселенцы

*За горами, за желтыми долами
Протянулась тропа деревень.
Вижу лес, и вечернее полымя,
И обвитый крапивой плетень...*

Сергей Есенин. 1916 год.

Переселение русских крестьян в Сибирь имело огромное значение для освоения нашего края. Например, с 1889 по 1906 год в Кузнецкий уезд прибыло около 19 тысяч переселенцев. В ходе столыпинской аграрной реформы население многих старожильческих сел увеличилось. И в телеутских улусах, и в поселках все больше появлялось русских семей. Они старались селиться компактными группами, образуя свои улицы. Такой стала улица Озерная в Бабанакове. Переселенцы, приехавшие позже, селились в деревне только с разрешения общины и сельского или деревенского старосты. Согласно «Памятке переселенцев», на землях сибирских старожилов могли обосновываться только по приемным приговорам сельских общин, причем «начальство приказало старожилам, чтоб не плодить

бедноту, принимать к себе, только если они могут дать надел по размерам как свой». Участки выделялись на пустошах из расчета 12-15 десятин на душу мужского пола.

Александра Ивановна Сукманова родилась в поселке Бабанаково и живет в нем уже более 70 лет, ее предки приехали сюда из Пензенской губернии еще перед первой мировой войной, в июне 1914 года. Из дальних российских краев ехали обозом, на дорогах было неспокойно. Семьи Зубковых и Селезневых держались вместе. К тому же еще в России обе крестьянские ветви породнились. Дед А.И. Сукмановой Филат Сергеевич Зубков родился примерно в 1871 году, служил в царской армии на Дальнем Востоке. Уже главой семьи решил Филат на переезд в Сибирь. Жена его из семьи Селезневых обрадовалась, узнав, что и родители, и братья поедут с ними. Селезневые ехали на двух повозках. Везли с собой на новое местожительство два ткацких станка да швейную машинку немецкой фирмы «Зингер». Машинка была уникальной. (Забегая вперед, скажу, что до сих пор машинка исправно служит потомкам и наследникам переселенцев. Простой и надежный механизм ее собран еще в 1848 году).

Лыковые лапти, привезенные с собой, негодились. Сибирь лаптей не знала. Пришлось заказывать кожаные сапоги.

Переселенцы долго дивились обилию свободных земель в Кузнецком уезде, богатству местных крестьян. Селезневые – семья немалая. Сам старик Андрей с женой да трое сыновей. Старший –

*На снимке:
Иван Филатович Зубков,
сын Ф.С. Зубкова.*

Иван уже имел свою семью. Средний – Степан приехал с женой и сыном Михаилом. Только Никита, самый младший, был еще холостым.

Сначала приехали в Кольчугино (ныне город Ленинск-Кузнецкий), там переселенцам не особенно приглянулось. Да и люди подсказали, что в деревне Белово мастеровые люди нужны. Там многие богатые мужики дома строят. А приезжие и столярное, и плотницкое дело знали неплохо. Направились они туда, а в Белове уже кто-то из местных надоумил – есть, мол, недалеко отсюда заимка Бабанаково, там все хозяйства крепкие и народ живет не бедно. Одно только смущало переселенцев: рассказывали, что местные старожилы не особенно жаловали пришлых. Но все-таки рискнули.

В те годы поселок, где преимущественно жили русские, насчитывал около семидесяти домов. Деревню охватывал огромный, нескончаемый плетень с четырьмя воротами. Эта ограда называлась поскотиной. Центральные ворота звались красными, то есть парадными. Выходили они на Калтайку и находились там, где сейчас проходит Пионерский переулок. Противоположные ворота глядели в сторону деревни Белово. Существовали ворота, выходившие на караканскую дорогу.

Вокруг деревни изумрудным ковром расстилались выпасы, а за околицей непроходимой чащобой чернела согра. Огромный распадок, заросший густым лесом, тянулся от поселка до деревни Белово. Там, совсем недалеко от человеческого жилья, сбивались в крупные стаи волки. Поэтому, как говорят старожилы, и называлось это место Волчьим урочищем. Не случайно ставили вокруг Бабанакова плетень. Он не давал стаду уйти в согра. Волки в разные годы погубили немало коров, лошадей и овец. Зимней порой доносился жуткий, леденящий душу волчий вой.

Деревенское стадо до самых холодов паслось само по себе. Здесь же, внутри ограды, на огромном лугу стояли копны сена. Зимой их подвозили поближе к подворьям.

[в содержание...](#)

Новоселы

*Сибирь имеет свойство не поражать,
не удивлять сразу, а втягивать
в себя медленно... но, втянув,
связывать накрепко».*

В. Распутин, “Сибирь, Сибирь”...

Пожалуй, истории первых сибирских переселенцев похожи друг на друга. Это долгий путь в поисках лучшей доли. Тяжкий труд на новом месте для того, чтобы закрепиться на этой неизведанной земле и выжить. И для пензенских семей Селезневых и Зубковых, приехавших в Бабанаково последним мирным летом 1914 года, все начиналось так же, как и для сотен других переселенцев Кузнецкого уезда. Правда, в некоторых деревнях старались любыми путями не принимать пришлых. Приехавшим в Бабанаково повезло. Их приняли как мастеровых людей. В деревне нужны были плотники и столяры. Вновь прибывшим нарезали участки на улице Озерной. Зубковым земля досталась прямо возле одних из четырех ворот. Дорога отсюда вела в деревню Белово. Весь поселок охватывал огромный плетень. Принимали их с уговором, что будут мужики следить за этими воротами, где нужно подправят, подновят. А еще приходилось им закрывать и открывать ворота, пропуская проезжающих в Белово и обратно.

По давней традиции новоселы выставили «обществу» угощение – ведро самогона. Земли для крестьянских подворий не пожалели, поэтому и для дома, и для амбаров места нашлось с избытком. Был огород и поле для выращивания пшеницы. А ее в Бабанакове сеяли вплоть до 30-40-х годов XX века.

Приехали крестьяне летом, а не успели оглянуться, как сковали землю первые морозы. Хорошо, что перво-наперво, еще до зимних холодов, Селезневые вырыли просторную квадратную яму под землянку. Из ближайшего котлована привезли воза три серого дикого камня. Им выложили стены и печь. Утрамбовали земляной пол. Так пережили первую свирепую зиму. А уже весной из круглых мощных бревен возвели сверху второй этаж.

Зубковы же сделали еще проще. На берегу реки нарезали гибких ивовых прутьев, приготовили плетни для стен, а потом обмазали их глиной.

На улице Озерной особо выделялся тогда двухэтажный дом богатого мужика Карпа Алексеевича Бестемьянова. До революции он был по сути дела хозяином поселка. Возможно, исполнял Бестемьянов еще и обязанности деревенского старосты, которого могли избирать на новый срок из года в год.

Известный исследователь нашего края Н.А. Костров писал: «Во главе общины находился староста. Его и других общественных лиц общины выбирали сроком на один год, дабы они не несли отягощения. Выбранный староста надзирал за своевременной выплатой податей, чистотой и порядком в деревне, за исправностью сельских караулов, дорог, мостов, поскотины».

С большим трудом ветерану поселка Александре Ивановне Сукмановой удалось найти маленькую фотографию Карпа Бестемьянова. Как рассказывали старики, был он высокого роста, широк в плечах, с большой бородой. Отличался Карп Алексеевич цепким практическим умом, необычайной силой и твердым характером. Родился Бестемьянов через два года после отмены крепостного права. Всю свою жизнь трудился не покладая рук. Уже в советское время Карп все, что имел: дом, лошадей, коров, сельхозорудия – добровольно отдал в артель. Видимо, потому его и не тронули в тридцать седьмом.

Умер К.А. Бестемьянов в возрасте 75 лет.

Дом Бестемьянова потом перенесли ближе к шахте «Пионерка». Там сначала разместилась поликлиника, потом парткабинет. В 50-х годах его вновь перевезли, теперь уже в Белово. Какое-то время в нем помещался горфинотдел.

Такой же добротный двухэтажный бревенчатый дом на 1-й Калтайке принадлежал родственнику Бестемьянова – зажиточному крестьянину Трандину. История этого дома тоже интересна. При советской власти дом Трандина был перенесен в Белово. Его установили в районе старого рынка. Долгое время там был городской радиоузел. Оператор связи радиоузла Беловского РУС М.М. Тупицына вспоминает, что в 60-х годах она пришла работать в радиоузел именно в это бревенчатое старое здание. На этом месте сейчас находятся гаражи администрации города и трансформаторная подстанция.

На снимке:

Карп Алексеевич Бестемьянов (1863-1938гг.)

[В содержание...](#)

Горючий камень

...Древние считали, что Земля на трех китах,

А Белово держится на угольных пластах.

А. Курицын.

В окрестностях деревни Бабанакново местные поселяне часто находили странные черные камни, которые жарко горели в костре и в печах. Рассказывают, что первым «горняком» был охотник из рода Бабанакновых. Как-то пытался он добыть сурка и глубоко разрыл его нору. Зверя в этот день он не поймал, но наткнулся на выход угольного пласта. С тех пор забросил охотник свои капканы и стал промышлять добычей «горючего камня». Уголь он складывал в мешки и развозил на продажу по деревне.

Промышленное же освоение Бабанакковского месторождения началось позже, хотя первые данные о наличии каменного угля в этом районе поступили в Алтайский горный округ еще в 1851 году. Через семь лет в «Горном журнале» в статьях Боярщинова и Коржелевского появляются первые сведения о мощном залегании угольного пласта в районе деревни Бабанакково.

В 1859-1885 годах в наших местах работали экспедиции геологов Бутова, Яворского, Багирянца и Головина. В районе деревень Белово и Бабанакково геологические партии провели разведку месторождения змейковым бурением, вскрыванием угольных пластов траншеями и шурфами. «Кокс, полученный из беловского угля, имеет превосходное качество и не уступает по чистоте и плотности лучшим английским коксам», – писал В.М. Кварский в «Очерках по истории геологического исследования Кузнецкого бассейна». (Книга «Белово», 1999 – с.180).

Эксплуатация Беловского месторождения началась в 1881 году, недалеко от деревни Бабанакково была заложена «кабинетная шахта N1».

Примитивное оснащение этой штольни сводилось к конному вороту для подъема угля и породы с 11-саженной глубины (23 метра).

Мощность пласта, подсеченного квершлагом, составляла 2 метра. Впоследствии это был пласт N5 на северо-восточном крыле шахты «Пионерка».

В то время в Бабанакове жило 295 инородцев, в деревне была только одна русская семья, а в остальных 54 подворьях жили телеуты. На горных работах были заняты преимущественно сезонные русские старатели. Многие из них затем осели на постоянное жительство в Бабанакково.

В 1884 году возле деревни появились еще две шахты, но вскоре их закрыли как убыточные.

Коренная жительница поселка Бабанакково Александра Ивановна Сукманова вспоминает, что из рассказов отца ей известно, что в 1915 году в том месте, где впоследствии была заложена шахта «Пионерка», находилась частная угольная штольня богатого бабанакковского мужика Карпа Бестемьянова. Объем ее добычи был небольшим. Уголь шел на продажу и для местных нужд. Здесь нужно отметить, что переселенцы в основном клали в своих избах русские печи. Но для обогрева широко использовались небольшие глинобитные печи – грубки. Грубку топили каменным углем. Ее пристраивали к русской печи с общим дымоходом. Грубку постоянно приходилось подбеливать, позже появились круглые глинобитные печи, обшитые железом. Назывались такие печи «барабанками». Их тоже топили углем, добытым поблизости, в штольне Бестемьянова.

Затем, когда началась закладка шахты «Пионерка», штольню перенесли ближе к поселку. Находилась она между скотными дворами Карпа Бестемьянова и усадьбой Наума Бабанакова. Сейчас на этом месте стоят дома №№124-128 на улице Озерной. Штольню со временем забросили, она осыпалась и разрушалась, но еще долго в этом месте оставались полусгнившие доски настила и заросшая травой скважина старой шахты.

С появлением шахты «Пионерка», одной из первых в Кузбассе, деревня Бабанакково стала горняцким поселком. Шли годы. Потомки основателей деревни по праву стали заслуженными шахтерами, которыми гордился весь край. С начала 30-х годов работали на шахте горняки из ветви Бабанакковых, их связывала не только единая фамилия, но и необычайно ответственное отношение к труду, к любимому делу. Василий Прокопович и Федор Антонович Бабанакovy стали кавалерами орденов Ленина и Трудового Красного Знамени. А такие награды рабочему человеку доставались потом, кровью и тяжким трудом. Братья Александр Наумович и Митрофан Наумович Бабанакovy тоже были

удостоены высоких наград. Сын Карпа Бестемьянова Иван всю свою жизнь связал с родной «Пионеркой», работал электрослесарем, механиком участка. Такие люди всегда были гордостью поселка. И их великое множество.

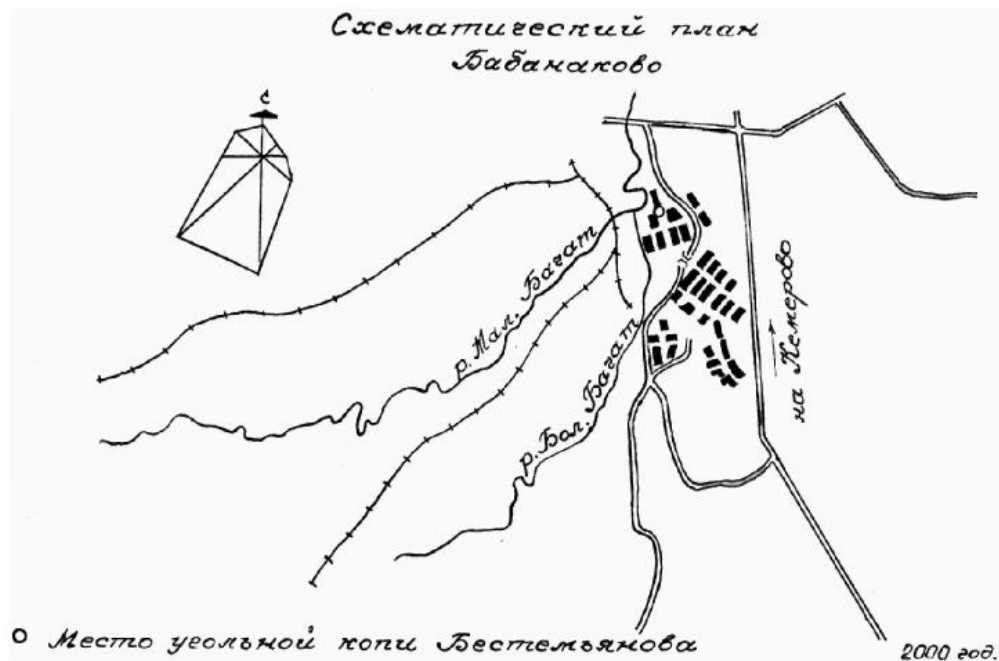

Схема пос. Бабанаково.
(стрелкой отмечено место, где находился ствол копи Бестемьянова).

[в содержание...](#)

Часовня Иоанна Крестителя

*...Знакома мне твоя святая сила
в час радости и горести земной...*

В. Коврижных.

В воспоминаниях старейших жителей поселка Бабанаково я с удивлением услышал, что когда-то в их деревне была своя деревянная часовня. А.И. Бабанак, начальник участка Беловского энергоремзавода, рассказывал, что об этом ему говорил отец Иван Яковлевич Бабанак, коренной житель поселка. Этот факт подтвердил и отчет Алтайской духовной миссии за 1907 год.

В конце XIX века в телеутских улусах по реке Бачат было основано Бачатское отделение Алтайской духовной миссии. Центр отделения находился в селе Челухоевском. Это было связано с тем, что давно уже назрела необходимость проводить миссионерскую деятельность в телеутских улусах. Деревня Бабанаково была одним из мест, где оседло жили телеуты. По свидетельству жительницы поселка А.И. Сукмановой, телеутский поселок располагался там, где сейчас находятся производственные корпуса энергоремзавода.

В 1906 году настоянием священников Алтайской духовной миссии было построено несколько православных часовен. Одна из них появилась в деревне Бабанаково. Осветили ее в честь пророка Иоанна Крестителя. Церковные службы в Бабанакове стали постоянными.

Сейчас сложно восстановить внешний и внутренний вид часовни. Не осталось и фотографий тех лет. А.И. Сукманова по воспоминаниям своей бабушки называет место, где стояла часовня. По ее словам, находилась она на улице Озерной (сейчас там частные дома), где жили русские переселенцы.

Делалось это не случайно. Православные храмы, церкви и часовни на землях инородцев строились с большим трудом. И не только потому, что это требовало немалых финансовых затрат. А еще и оттого, что в первые годы существования Бачатского миссионерского стана многие телеуты не хотели принимать христианство, сопротивлялись крещению. Обращение язычников-шаманистов в православие, даже с добрыми намерениями, иногда выглядело как насилие, поэтому, возможно, были случаи нападения на священника, поджога церкви.

«Некрещеные инородцы, – писал в отчете миссионер Бачатского отделения в 1895 году Сергей Арсентьевич Ивановский, – были до того агрессивны, что несколько раз нападали на миссионерские дома и дома новокрещеных. Ворвавшись в дом, устраивали настоящие погромы с требованием от хозяев отъехать в другие селения, при этом высказывали угрозы и в адрес русских, если они посмеют селиться в телеутских улусах».

Однако российское продвижение вглубь Сибири продолжалось. В начале XX века на телеутские земли переселилось более полутысячи крестьян из центральных районов России, Украины и Урала. Русские переселенцы принесли с собой и свою культуру. Местное население перенимало от вновь приезжих россиян технику обработки земли, приемы ведения хозяйства.

Многие телеуты стали заниматься земледелием, а самые зажиточные обзавелись сельскохозяйственными машинами: жатками, молотилками, сенокосилками. Мужчины и некоторые женщины стали носить русскую одежду. Все больше инородцев исповедовало православие.

...Бывший язычник на глазах мало-помалу становился новым человеком не только в духовном отношении, по нравам и обычаям, в семейной жизни, по домохозяйству и по самой внешности, – радовался добрым переменам священник отец Владимир.

(Ерошов В.В., Кимеев В.М. «Тропой миссионеров.

Алтайская духовная миссия в Кузнецком крае». Кемерово, 1995).

Часовня Иоанна Крестителя простояла в Бабанакове более 20 лет, пока не началась повсеместная борьба с храмами. Деревянная часовня прекратила свое существование где-то в 1926-1929 годах, считает А.И. Сукманова. Ее бабушка рассказывала о том, как прихожане возмущались не только тем, что разрушили православную часовню, но и варварским уничтожением древних уникальных икон. Старинные доски с ликами святых были преданы огню. Особенно обижались верующие на Никиту Андреевича Селезнева, секретаря партийной ячейки строительства шахты «Пионерка». Именно он был одним из инициаторов разрушения часовни. Однако обвинять в этом его было бы бессмысленно. Такое тогда было время.

Уже в 90-х годах XX века в Бабанакове был открыт небольшой приход святого великомученика Георгия.

Рис. Н. Шитиковой.

[в содержание...](#)

ГЛАВА 4. ПУТЬ К ХРАМУ

Петро-Павловская церковь

Многим беловчанам хорошо знакома салаирская церковь Петра и Павла. Не так давно она входила в Беловское благочиние. Да и первое время, пока не была возрождена эта старинная церковь, службу вели беловские священники.

Трудно переоценить то влияние, которое оказывала эта церковь на наш край в духовном и культурном плане. В 60-х годах Салаир, Гурьевск и окрестные села входили в Беловский район. Добавим еще и то, что Петро-Павловская церковь – одна из старейших в Кузбассе. (Среди них церковь в Бекове и Преображенский храм в селе Красном). История храма святых Петра и Павла интересна и в какой-то мере уникальна.

Мой университетский педагог Михаил Ефимович Сорокин многое сделал для воссоздания истории этой церкви.

Салаирский рудник был основан в 1782 году, через 11 лет рядом появляется Гавриловский завод. Уже к началу 1803 года здесь было 485 домов, в которых жили 1822 мужчины и 1433 женщины.

Салаирская горная контора обратилась в Кузнецкое духовное правление с предложением разрешить строительство на руднике церкви или часовни. Ближайшая Бачатская Никольская церковь от Салаира находилась в 33 верстах. Не каждый мог поехать туда. В документе объясняется, какие неудобства «от того происходят: в местном лазарете служители без исповеди умирают, младенцы многие остаются без крещения». Вскоре было решено: «...из Бачатского села священнику с причетником жительство иметь при Салаирском руднике навсегда».

Вскоре в Салаире был построен деревянный молельный дом. Деньги на него в размере 43 руб. 92,5 коп. собирали всем миром.

Прошло несколько лет, и вдруг в ночь на 24 декабря 1809 года случилась беда – от нечаянной искры начался пожар. Молельный дом сгорел дотла. Снова начался сбор денег на новый храм. В феврале 1829 года на рудник приезжал представитель Кузнецкого духовного правления протоиерей Дер-

гачев. Вместе с управляющим рудником Мевнусом он выбрал место для церкви. Деревянная, она строилась на пригорке в 80 сажнях от главной конторы. Все необходимые расчеты, чертежи выполнил барнаульский архитектор Яков Попов. На Ирбитской ярмарке купили для храма пять колоколов – самый большой весил четыре пуда (64 кг). В 1832-1833 годах была открыта деревянная церковь на каменном фундаменте. Долгое время священником этой церкви был отец Василий (в миру Василий Карпович Пузырев). В мирском приговоре, который одобрили все прихожане, говорилось: «Здесьние чиновники и служащие единогласно желают и даже просят, чтоб определить от Бачатской Никольской церкви священника Василия Пузырева».

Отец Василий закончил полный курс Тобольской духовной семинарии. В 1830 году он переезжает в Кузнецкий уезд. С этого времени тридцать лет жизни связаны с нашими местами, селом Бачатским, а потом Салаиром. Построенная в начале 30-х годов XIX века, церковь просуществовала недолго. Поздней осенью 1856 года на руднике приключился ужасный пожар, в котором до основания выгорела лучшая часть Салаира. Огонь уничтожил центральную улицу – лавки и торговые ряды, дома начальства и церковь.

Вскоре после этого события салаирцы построили еще одну деревянную церковь. На этот раз в стороне от поселка. Но мечта о большом каменном храме не покидала прихожан.

На снимке:

Церковь Петра и Павла сегодня

[в содержание...](#)

Трагедия Салаирского храма (Памятник Александру II утрачен навсегда)

Нынешняя Салаирская Петро-Павловская церковь строилась семь лет (1900-1907). Возводили ее каменных дел мастера, жители соседнего алтайского села Жуланиха. За строительством надзирал знатный мастер Рогов. «Со всей округи возами люди везли куриные яйца, щедро добавляли их в раствор из глины. И выходили из этого месива удивительной прочности кирпичи», – пишет Михаил Сорокин в очерке «Возрожденная из пепла». Видимо, поэтому простояла церковь столько лет.

Шли годы. Минула революция. И вот в один из дней девятнадцатого года в церковь нагрянули красные, а скорее всего это были партизаны Г.Ф. Рогова, известные своей непримиримостью к религии. Священника убили и, привязав за волосы к лошади, протащили несколько верст в сторону Гурьевска. Затем бросили истерзанное тело в яму. Туда же побросали трупы дьякона и нескольких

прихожан, убитых позже. Как рассказывали старожилы, именно в этом месте пробился родник, вода которого не замерзала даже в лютые морозы. На этом месте и был впоследствии открыт святой источник, а позже построили там часовню, заасфальтировали территорию вокруг, провели насыпную дорогу.

Церковь знает много историй о том, как люди спасали старинные, драгоценные для русского сердца иконы. Одна из них, написанная еще в 1908 году на горе Афон, уцелела благодаря тому, что в разгромленной церкви прихожане успели собрать брошенные иконы. Одна старушка, боясь, что непутевый сын пропьет одну из бесценных реликвий, а попытки к тому были, поздно вечером привезла икону в возрожденный храм.

В советское время Петро-Павловская церковь разделила общую горькую участь всех российских церквей. Колокола свергли, отправили на переплавку. Ажурные кованые кресты были буквально выворочены «с мясом». Их перековали на оси для телег-таратаек. В связи с этим хочется привести одно свидетельство. Беловчанин А.С. Котов родился и вырос в Салаире. Он вспоминает, что его отец рассказывал ему любопытный эпизод. Когда решили снять кресты на куполах, то желающих для этого варварского дела нашли только за очень большие деньги. Однако удалось выломать кресты только на маленьких куполах. Убрать крест с высокой колокольни сразу не удалось. Добровольцы сорвались с купола и разбились насмерть.

А сколько раз покушались на изумительной красоты решетки на окнах, работу славных гавриловских и гурьевских кузнецов. И хотя никто изуверам не мешал, всякий раз варварам приходилось отступать. Так основательно были заделаны оконные решетки в спекшийся от времени каменный монолит.

Много сил и энергии приложил для возрождения храма священник отец Сергей Мосолов, выпускник московской духовной семинарии. Он отдал мне редчайшую фотографию 1896 года. На ней запечатлен момент открытия памятника Александру II. История Салаирского храма вообще изобилует множеством загадок и неясностей. Одна из них относится к появлению возле церкви огромного бронзового памятника царю-освободителю Александру II (1855-1881).

Император в наших местах никогда не бывал, но то, что Александр еще 19 февраля 1861 года отменил крепостное право, и ввело его в ранг особо почитаемых особ дома Романовых. К 50-летию этого события по всем городам и весям шел сбор средств на памятники монарху-освободителю. И в 1911 году повсеместно стали возникать барельефы, бюсты и прочие скульптурные изображения Александра II. Памятники сооружали исходя из средств – где из металла, где из гипса, а то даже из дерева. В Салаире же удивили всех тем, что еще задолго до общей волны увековечивания монаршей особы воздвигли бронзовый памятник в далеком горнорудном поселке.

На снимке видно, что цоколь, увитый цветами, украшен большой буквой «А». Внизу видна черточка в виде единицы. Это обстоятельство и ввело в заблуждение отца Сергея. Он выдвинул версию, что это мог быть памятник Александру I, победителю Наполеона. Сейчас трудно сказать, что обозначала эта черточка, но то, что в Салаире установили памятник именно Александру II, сомнения не вызывает.

Это подтверждают и многочисленные материалы архивов. Нужно отметить, что неизвестный автор памятника добился портретного сходства с Александром II. Бронзовый Александр был довольно внушителен – общая высота памятника достигла четырех метров. Фигура царя, в полный рост, была отлита так искусно и точно, что каждая черточка лица и мундира была хорошо видна. Памятник обнесли кованой оградой.

Бывший ученик салаирского училища Черданцев оказался свидетелем набега роговцев на Салаир в 1919 году. Спустя десятилетие он писал: «Партизаны постарались стащить памятник Александру II, но не смогли, тогда взяли и повесили ему на шею ворота от оградки, приказав их не снимать. Так и стоял Александр с воротами не шее дня два, пока не приехала из Бачат колчаковская милиция и не сняла их. Бачатской милицией при Колчаке командовал 18-летний Г.М. Милованов, известный своими жестокими расправами с приверженцами советской власти. В советское время памятник сдернули трактором и уволокли на переплавку.

На снимке:

*Салаирская церковь в начале XX века
(рядом виден памятник Александру II, 1896 год)*

[в содержание...](#)

Священник Леонтий Попов – основатель Салаирского храма

Верно говорят, что архивный поиск – дело непрерывное и бесконечное. Так случилось и во время работы над материалами о Петро-Павловской церкви в Салаире. Записывая воспоминания людей, обращаясь к документам, не раз приходилось слышать и читать о салаирском священнике отце Леонтии Попове, личности поистине легендарной. Этот удивительный человек, крестьянин по происхождению, сумел закончить полный курс Тобольской духовной семинарии. В Салаире он прожил почти полвека. Много лет служил в старой деревянной церкви, затем, после строительства каменного храма, в 1907 году перешел туда. Это был просветитель, создатель культурно-образовательного очага в своем приходе. За долгую безупречную службу Салаиру и салаирцам его похоронили в ограде церкви.

Сейчас в существующей летописи церкви хранятся уникальные фотографии. Одна из них отражает момент похорон отца Леонтия в 1913 году. На снимке видна часть Петро-Павловской церкви, из которой выносят гроб с телом священника.

Известный в Кузбассе краевед и историк М.Е. Сорокин пишет, что

в церковной ограде около могилы отца Леонтия позже похоронили его жену, а позже и купца Алексея Хмелевцева, крупного вкладчика, спонсора (как сейчас говорят) строительства храма. В начале 90-х годов XX столетия эти могилы были разрушены и затеряны.

И вдруг неожиданный и странный случай. Бывший настоятель храма отец Сергей (в миру Сергей Николаевич Мосолов) поведал мне такую историю. Года за три до возрождения храма рядом с церковью рабочие золоторудника копали траншею. Во время работы они наткнулись на гроб. Как впоследствии оказалось, это был гроб с телом священника отца Леонтия, пролежавшего в земле около 80 лет. На нем был крест священника, парадное облачение настоятеля. К сожалению, при невыясненных обстоятельствах пропала голова священника. Кто был виноват в этом кощунстве, так и осталось загадкой. Поиски ничего не дали. 17 июля 1992 года с подобающими почестями останки тела отца Леонтия были преданы земле. Его перезахоронили у алтаря в церковной ограде.

Кстати, здесь же в 1998 году нашел свой последний приют священник из Бачат протоиерей Сергей Марышев. Последние годы жизни (а прожил он 81 год) протоиерей Марышев был слеп.

Есть в церковной ограде еще одна могильная плита. Найдена она случайно недалеко от церкви. Мужики найденную плиту отнесли в храм. Там ее очистили от земли, отмыли, и стала ясно видна надпись: «Здесь покоится Георгий Яковлевич Пестерев. Родился в 1840г. Умер в 1877г» Больше об этом человеке ничего неизвестно. Обломанную плиту как могли подновили, покрасили и поставили рядом крест. Могила, конечно, условна, так как тело неизвестно где, но все-таки память о человеке не погибла. Осенью 2003 года ушел из жизни прежний настоятель храма отец Сергей, его похоронили в ограде Петро-Павловской церкви.

Профессору М.Е. Сорокину удалось разыскать внука протоиерея Леонтия Попова. В 1992 году в Салаире профессор встретился с 84-летним старцем и увидел в его доме редкие фотографии. Одна из них, на которой настоятель храма Петра и Павла отец Леонтий запечатлен вместе с работниками горной конторы, относится к началу XX века.

Священник Леонтий Попов много сделал для своего прихода и благочиния. В 1888 году при Петро-Павловском храме была открыта церковно-приходская школа. Находилась она в помещении церковной караулки. В те годы учительницей была Е.Е. Максимова, выпускница епархиального училища. Она получала 216 рублей в год. Рядом, в селе Гавриловка, были открыты молитвенный дом и

школа грамоты. Учительница Дубовская окончила промышленную гимназию, ее зарплата, которую платили от сборов местного населения, составляла 120 рублей за год.

Некоторые жители деревни Беловой отдавали детей в ученье в Салаир. например, богатый беловский крестьянин Аксенов учил своих детей, дочь и сына, в Салаирском училище.

И еще одна находка. В музее крестьянского быта села Красного хранится фотография, сделанная 18 февраля 1910 года. В этот день была освящена новая церковь Святой Троицы в селе Брюхановском Касьминской волости. Благодаря этому снимку стало известно, что на открытии церкви был и благочинный этого округа. Каково же было удивление, когда на фото я увидел уже известного протоиерея Леонтия Попова, благочинного всех церквей округа, куда тогда входил и Брюхановский Свято-Троицкий храм. Так к биографии салаирского священника был добавлен еще один штрих.

В поселке Бабанаково долгое время жила правнучка отца Леонтия – Нина Владимировна Попова. Ее свидетельства, основанные на семейных архивах, значительно дополнили сведения о православно-сподвижнике нашего края Л.И. Попове (1820-1913 гг.).

Нина Владимировна рассказывает, что у ее прадеда была большая семья. Семь сыновей воспитал Леонтий Иванович с женой. Старший – Алексей, потом Александр, Дмитрий, Петр. В честь деда еще одного сына нарекли Иваном. Затем младшие – Василий и Николай.

Николай Леонтьевич Попов, родной дед Нины Владимировны, был образованным человеком. При Томском губернском управлении научился основам конторской работы, учился в духовной семинарии в Томске.

Сын его от первого брака Владимир Николаевич Попов (1884-1943 гг.) и был отцом Нины Владимировны. Родилась она в Гавриловке, жила в Салаире, Барите, а последнее время в поселке Бабанаково. Совсем недавно Н.В. Попова переехала в поселок Инской. По документам архива Томской губернии Нина Владимировна восстановила детали семейной хроники. Леонтий Иванович Попов получил сан священника 27 января 1857 года. Через 30 лет, уже в Салаире, он стал протоиереем.

В архивных документах сохранился перечень наград отца Леонтия. Среди них: Крест Священного Синода, ордена Святой Анны II и III степеней.

Храмы – близнецы в Салаире и Красном появились именно стараниями благочинного отца Леонтия.

На снимке:

протоиерей отец Леонтий

в окружении служащих салаирской горной конторы (фото начала XX века).

[в содержание...](#)

Село Красное

Уходящий сентябрь отгорал всеми цветами осени, от ярко-желтого до багряного, оттого дорога, усыпанная опавшей листвой, была красива и необычна. Мы ехали по тем местам, где когда-то, лет сто назад, пролегал старинный торговый путь. Целью нашей журналистской экспедиции было стародавнее село Красное.

Занимаясь дореволюционной историей родного города, мне все чаще приходилось соглашаться с мыслью, что город Белово сам по себе никак не мог развиваться ни в экономическом, ни в культурном плане отдельно и обособленно. Сколько всего взаимосвязанного, неразрывного объединяет не только весь Кузбасс, но и, пожалуй, Сибирь. Так и вышло с селом Красным.

Много слышал о нем, читал, наткнулся в архивных документах на любопытные факты, а бывать не приходилось. Журналистская экспедиция, организованная пресс-службой администрации города Белово совместно с городским управлением архитектуры и градостроительства несколько лет тому назад, была первым прикосновением к прошлому этого любопытного населенного пункта. Затем были другие, каждый раз приносящие новые находки.

С началом освоения Салаирских рудников и постройкой Гурьевского завода в XVIII веке был обустроен Томско-Кузнецкий тракт, проходивший в частности через Брюханово и Бачатское (нынешнего Беловского района). Вскоре через Брюханово прошел еще один торгово-почтовый тракт Новониколаевск-Кузнецк, который связал два села – Брюханово и Салаирское (ныне село Малая Салаирка) – грунтовой дорогой. Шел он через сосновый бор и по равнине 57 верст, а дальше уже тракт приводил проезжающих в Бачатское село. Таким образом Брюханово оказывалось в центре этого гео-

графического треугольника. Связи между волостями Бачатской, Касьминской и Салаирской оказались довольно прочными.

И с каждым новым открытием, архивным документом, фотографией в этом убеждаешься еще больше.

Тот, кто бывал в Салаирской Петро-Павловской церкви и хотя бы проездом посетил село Красное, не может не признать, что храм Святой Троицы в Красном – точная копия церкви в Салаире. Копия потому, что Салаирский каменный храм, существующий сейчас, был построен в 1907 году, а Свято-Троицкий храм – тремя годами позже по одному проекту.

Белокаменная красавица на центральной улице села Красного радуется глаз своими куполами, многометровой колокольной и стрельчатыми старинными окнами.

Судьба первой деревянной церкви села Брюхановского неизвестна. Строительство второго, тоже деревянного храма, начинается 14 января 1852 года при императоре Николае I. Именно тогда доверенный от общества крестьянин Степан Никитич Чалдин подал прошение на имя Государя-императора на «построение новой деревянной церкви во имя Святой Троицы в означенной деревне Брюхановой». В конце осени 1856 года, уже после смерти Николая I, церковь была достроена. 26 ноября по благословению епископа Парфения Троицкая церковь торжественно освящена.

В этом же году на Салаирском руднике случилось несчастье – как на грех, сгорела деревянная Петро-Павловская церковь. Брюханово стало уже не только притрактовым селом, но и православным центром благочиния. Прямая дорога между этими населенными пунктами стала путем паломничества богомольцев.

Свято-Троицкая деревянная церковь простояла 42 года и повторила судьбу салаирской. В 1898 году приключившийся в Брюхановском пожар уничтожил церковь. Правда, часть имущества и библиотеку удалось спасти. Видимо, после этого службы велись в другом помещении.

В госархиве Томской области сохранился донос на псаломщика села Брюхановского Кузнецкого округа. Его обвиняли в политической неблагонадежности. Было это в 1900-х годах. Дальнейшая судьба псаломщика неизвестна.

В 1907 году в Салаире открыли новый каменный храм. Его великолепие поразило всю округу. Под этим впечатлением в Брюханове годом позже прямо у тракта Кузнецк – Новониколаевск закладывают фундамент большого каменного храма. Возводился он по тому же проекту, что и салаирский. В 1910 году сооружение Свято-Троицкого храма было завершено.

Если с многометровой колокольни Троицкого храма окинуть взглядом окрестности, то видно, как убегают в разные стороны пути-дороги и блестит лента реки.

На снимке:

Свято-Троицкий храм. 2002 год.

Прямо через село Красное идет асфальтовая трасса. Она минует Свято-Троицкую церковь, проходит мимо школы и жилых домов, часть из которых была построена в конце XIX – начале XX веков.

Село Красное раскинулось по обеим сторонам реки Касьмы и по речушке Пашенке. Основанное еще в 1627 году казаками Брюхановыми, оно триста лет носило название Брюхановское, и только в 1920 году стало Красным. По мнению краеведа Шабалина В.М., это произошло не случайно. В 1918 году местные крестьяне восстали против Советской власти. Восстание было жестоко подавлено, а ненавистное название, прогремевшее на всю Россию как центр мятежа, постарались стереть из памяти. Новое имя села не только отвечало времени, но и было более благозвучным.

Красное в прошлом – одна из важных ямских станций. Это обстоятельство и объясняет то, что село развивалось довольно быстро. Если в 1859 году в Брюханово жило 540 человек и имелось 95 крестьянских хозяйств, то в 1911 году, то есть уже через 50 лет, население выросло почти в три раза. На всю округу ценилось масло, которое производил Брюхановский маслозавод. 299 дворов с населением 1340 человек – таким было это крупное торгово-купеческое село в начале XX века. Центр Касьминской волости Кузнецкого уезда, Брюханово, было еще и культурным центром. С 1874 года в селе работало сельское училище, было почтово-телеграфное отделение, церковно-приходская школа при Троицком храме.

Летом и поздней осенью Брюхановское становилось местом проведения торговых ярмарок. 24 июня начинала работу ежегодная Ивановская семидневная ярмарка, которая заканчивалась 1 июля. Здесь шли торги с участием крестьян из Бачатского, деревень Беловой, Грамотеиной, Колмогоровой, Конёвой и многих других.

Торговали сельхозпродукцией, породистыми лошадьми. Более крупной считалась большая конная Дмитровская (Дмитриевская) ярмарка с 26 октября по 1 ноября. Это событие на целую неделю превращало село в огромный бурлящий рынок. По берегу реки Косьмы устанавливались торговые палатки, съезжались сотни возов с товарами, население села в эти дни увеличивалось в несколько раз.

История села Брюхановского как в зеркале отражается в экспозициях этнографического районного музея истории крестьянского быта. Он известен на весь Кузбасс. Директор музея Нина Ивановна Калиничева – бывшая учительница местной школы. Ее руками, энергией и заботами и создан крестьянский музей. Ее рассказы, документы и материалы, хранящиеся здесь, оказались бесценными. Нина Ивановна, человек, влюбленный в историю своего села, и оттого как будто стеснявшаяся своей неизлечимой страсти ко всему старинному, смогла собрать более 800 уникальных экспонатов. Где пешком, где на рейсовом автобусе, а то и на попутках она обошла и объехала окрестные деревни, встречаясь со старожилами, записывала их воспоминания.

Место для музея выбрали хорошее, в самом центре села, рядом с Троицким храмом. Рядом с музеем врос от старости в землю кирпичный склад-магазин купца Пьянкова. Это обстоятельство как бы подчеркивает особый первозданный облик двора перед музеем. Тут же памятник колхозного периода – чудом уцелевший трактор «Фордзон-Путиловец». Это первый «стальной конь», выпущенный в 1923 году.

Директор, показывая залы двухэтажного музея, рассказывала: «... Этот дом был построен еще в 1870 году и до революции принадлежал купцу Степану Николаевичу Пьянкову». Одна из экспозиций передает интерьер крестьянской избы начала XX века, другая представляет собой встроенные в стены витрины с выставленными образцами женской одежды старожилов и переселенцев. На втором этаже смонтирована стационарная выставка предметов быта и инструментов различных ремесел конца XIX-начала XX века.

Чувство, которое охватывает человека в музее, где время как бы остановилось 130 лет назад, особое. Чувство, которое вытесняет суету сегодняшнего дня. Схлынет сиюминутное, наносное, и обратится сердце к тому островку душевного равновесия и спокойствия, который вот уже 13 лет бережно хранит Нина Ивановна.

На снимке:

Здание музея истории крестьянского быта

[В содержание...](#)

ЧАСТЬ II. ПАМЯТЬ СЕРДЦА

ГЛАВА 1. ПУТЬ В «КУЗНЕЦЫ»

Сибирский тракт

*За уральскими камнями
Птичка в ельничке – снегирь.
Позади тебя – Россия,
Перед личиком – Сибирь...*

Анатолий Ольхой. «Песня Сибирского тракта».

Территория нынешнего Кузбасса была связана с Европейской частью России Московско-Сибирским трактом. По этой дороге шел весь поток торговых и почтовых перевозок из России в Сибирь, Китай и обратно, проезжали люди разного чина и звания, от этапа к этапу пешком передвигались партии ссыльных и каторжан.

По современной Кемеровской области проходило два участка Сибирского тракта: Тарско – Томский и Томско – Красноярский. Первый пролегал через села Просоково, Мальцево, Зелендеево и деревню Варюхино (нынешнего Юргинского района). Второй участок шел через села Ишим, Кольюн (сейчас Ижморский район), миновал село Кийское (город Мариинск) и Тяжин.

Самым первым трактом на территории нашей области, в том числе Беловского района, был Томско-Кузнецкий земский, который первоначально являлся путем землепроходцев и военных отрядов на юг Сибири. Этот «казачий тракт» ровесник города Томска, основанного на реке Томи в 1604 году. После постройки в 1618 году Кузнецкого острога он соединил два новых города Тобольского

наместничества. В Кузнецы, так потом назывались наши земли, вели две дороги – по Томи и сухопутная по лесам и степям. По донесениям томского воеводы «от Томска вверх водою, Томью рекою до Кузнецкого острога стругом ходу три недели, а малыми судами – две недели или 10 дней, голою же степью на лошадях езды шесть дней».

Видимо, тракт проходил недалеко от села Бачаты, возможно, там, где сейчас находится поселок Бачатский. Крестьяне этого крупного села занимались извозом. Кроме этого, непосредственно с трактом были связаны государственные повинности и прежде всего – дорожная. Содержание дорог, мостов, перевозов в Западной Сибири являлось натуральной повинностью. Крестьяне чинили мосты, насыпали дорожное полотно и т.д. В книге «Почтовый дорожник Российской империи», изданной в 1844 году, указано, что тракт начинался в Москве, шел через Владимир, Нижний Новгород, Казань, Екатеринбург, Тюмень, Омск, Томск, Красноярск и до Нерченска.

К Московско-Сибирскому тракту подходили Салаирско-Барнаульский, Кузнецко-Барнаульский и другие. Они связывали населенные пункты будущего города Белова и района с Россией.

В конце прошлого века через волостное село Бачаты проходил довольно оживленный тракт Новониколаевск – Кузнецк общей протяженностью 346 верст. Зимой и летом этот путь преодолевали на лошадях, когда не мешала распутица. Особенно тяжело было в морозные дни, когда санный обоз вынужден был без отдыха лошадей и возчиков проходить многочасовые перегоны. Так, например, от Новониколаевска до села Корпысак более 60 верст. Дальше дорога шла до ямской станции Коурак, а это 55 верст. Путешественники пересекали границу Кузнецкого уезда и полсотню верст ехали до старейшего торгового села Брюхановское.

Проезжающие останавливались в домах богатых жителей или на постоянных дворах. По специальному постановлению от 11 марта 1910 года регламентировались условия содержания постоянных дворов. Многочисленные пункты этого документа, который обязательно должен быть вывешен в общей комнате, оговаривали множество правил поведения хозяев и постояльцев.

Интересны такие выдержки из правил: «...Как содержатели заведения, так и прислуга должны быть трезвыми, вежливыми в обращении... Каждый постоялый двор должен иметь соответствующую вывеску. Содержатель должен освещать ворота и двор фонарями».

Из Брюхановского тракт уходил в сторону села Салаирского, преодолевая довольно большой отрезок пути – в 57 верст. Согласно архивным документам, село было основано еще в начале XVII века. В середине XIX века в центре одноименной волости – в селе Салаирском – проживало больше людей, чем в уездном Кузнецке. Перегон от Салаирского до села Бачаты (ныне Беловского района) занимал не более трех с половиной часов. Эти 37 верст можно было проехать без смены лошадей. Из Бачат шла дорога до деревни Белово.

[в содержание...](#)

Казачья дорога

Из недавней почты меня заинтересовало одно письмо. Автор его – известный в городе фолк-лорист, создатель уникального телеутского словаря Людмила Тимофеевна Рюмина. Ее труд высоко оценен тюркологами мира. Словарь даже переведен на турецкий язык. Почти всю свою сознательную жизнь собирала она материалы о своем народе, о быте и обычаях, а главное – о языке. Поэтому ее

письмо – ценнейшее свидетельство, позволяющее восстановить некоторые штрихи истории нашего края.

На снимке: Сыркашев Ахмет Казакович с матерью Сыркашевой (Тыдыковой) Александрой Васильевной (справа).

Людмила Тимофеевна пишет: “Я много лет терялась в догадках, стараясь объяснить существование относительно странного для телеутов отчества моих родственников – Казаковичи. Мне было известно, что сестра маминого отца, Александра Васильевна Тыдыкова, вышла замуж за Сыркашева Оруска (русского имени его никто не помнит). Както я спросила у их дочери Калишевой (Сыркашевой) Анисьи Казаковны: «Говорят, твоего отца звали Оруска, а почему ты Казаковна?». Анисья стала мне рассказывать о какой-то «казак дьолы», что в переводе с телеутского означает «казачья дорога». Дорога проходила по территории Беловского района, и отец Анисьи Казаковны все время помогал содержать в порядке этот тракт. Бывало, сельчане спросят «Где Оруска?» И, как обычно, слышат в ответ: «Казак дьолында» («на казачьей дороге»). Так и прозвали телеуты Оруску – Казак. Имя Казак так основательно закрепилось за Сыркашевым, что его дети по документам стали иметь отчество Казаковичи.

Все они из д. Верховской (район с. Беково). Старший сын Ахмет Казакович работал учителем, умер в 1935 году. Дочь Анисья Казаковна умерла в 1993 году. Сын Михаил Казакович учился на рабфаке Томского университета, умер в 30-х годах. Младший сын Петр Казакович умер от ран в госпитале в Ленинграде во время Великой Отечественной войны.

И еще одно важное дополнение. Телеуты русских называли «орустар» (в единственном числе «орус»). Потом появилось еще одно название – «казак-тар» (в единственном числе «казак»). Видимо, внешняя схожесть русских людей с казаками, служилыми людьми, и стала причиной такого названия. Вследствие этого и появилось общее название русских «казак кижии» (“русский человек”). Так же, как называют людей тюркского происхождения «татары». Вот такие уникальные факты привела Л.Т. Рюмина.

Действительно, многие крестьяне окрестных сел работали на ремонте дорог. Выполнялась эта натуральная повинность крестьянами по очереди. Собиралась специальная артель, ставился стан, и крестьяне в течение месяца ремонтировали мосты, насыпали дорожное полотно, прочищали канавы. Тракт укреплялся песком и речной галькой. Все это привозили на подводах.

Видимо, были и постоянные работники на трактах. Такие, как телеут Казак Сыркашев. Устройство трактов регламентировалось документами. «Устав о содержании сухопутных сообщений в Сибири» был принят в 1822 году. В нем указывалось, что «проезд при сухом и твердом грунте должен составлять 5 сажень. То есть ширина дороги должна быть около 10 метров. По низким и болотистым местам дорога должна возвышаться. Ширина мостов, плотин, гатей – 4 сажени, придорожных

канав –1,5-2 аршина (1 аршин – 71,12 см). Так что работы на тракте хватало.

[В содержание...](#)

Тайна старого колодца

Для деревни Белово жители деревень Николаевской волости были добрыми соседями. В Грамотеино, Колмогоры, Старопестери часто ездили в гости, за покупками. Через эти селения лежал путь на Брюхановскую ярмарку. Лет десять назад произошел один странный и довольно любопытный случай. Возле реки Уба, где сейчас находится садовое общество, много лет люди брали воду из старого колодца. Садоводы решили его почистить. И когда начали поднимать наверх глину и ил, вместе с грунтом стали попадаться медные монеты. Когда удалось очистить их от земли и грязи, удивлению собравшихся не было предела. Позеленевшие от времени и сырости монеты оказались еще царской чеканки. В основном медь была мелкого достоинства – 1, 2 и 3 копейки. И годы на монетах были разные. Это и конец XIX, и начало XX века. По самым поздним монетам 1913 года предположили, что клад здесь появился до 1-й мировой войны. Хотя версия о том, что это клад, была довольно сомнительной. Есть еще обстоятельства, которые свидетельствуют не в пользу того, что кто-то таким образом прятал деньги «на черный день». Во-первых, медные монеты для этого не годятся. Они могли просто выйти из употребления. Несколько денежных реформ конца XIX – начала XX века превратили бы их в ненужный хлам. Во-вторых, клад всегда стараются сложить в одну емкость. А тут все монеты были россыпью. Да и годы чеканки монет версию о кладе отменяют напрочь. Ведь часть денег к 1913 году уже давно вышла из употребления. Можно предположить, что мелкие медные монеты бросали в колодец много лет подряд. Уже доказано, что примерно в этом районе пролегал оживленный путь из Белова в Грамотеино и дальше. Как уже говорилось, в Брюханове была одна из крупнейших ярмарок нашего края. В свою очередь крестьяне из Колмогор, Грамотеино, Старопестерей были частыми гостями в Белове и в Бачатах. К тому же осенняя Козьмо-Демьянская ярмарка в селе Бачатском была очень многолюдной. Таким образом, можно с уверенностью предположить, что через этот колодец проезжали многие. Здесь останавливались отдохнуть, напоить лошадей. А для того, чтобы путь был счастливым, бросали в колодец мелкую монету. Есть такое поверье, что человек после этого обязательно должен вернуться на это место, благополучно миновав все дорожные напасти. А в те годы на трактах было беспокойно – воров и разбойников хватало.

Монет было найдено много – несколько килограммов. Значит, путь этот был довольно оживленным. Напрашивается вопрос: кто же мог бросить такую монету? (Ценность этих медяков к началу XX века, правда, снизилась, но все же для многих это были немалые деньги.) Обычный человек тремя копейками дорожил и подумал бы, бросить ли их в колодец.

Вот примерные цены 1913 года в крупных городах Сибири (в деревнях было дешевле): мука ржаная – 5 копеек кг, мука пшеничная – 9 копеек кг, масло подсолнечное – 28 копеек кг, свинина – 37-40 копеек кг, телятина – 29-30 копеек кг, баранина – 28 копеек кг, водка – 30 копеек пол-литра, сыр – 50 копеек кг, обед в трактире – 20 копеек, чай с хлебом и маслом – 3 копейки.

Уровень цен говорит о том, что деньги могли легко пожертвовать только торговцы, купцы, зажиточные, состоятельные крестьяне. Возможно, колодец был частью подворья с конюшнями, амбарами и постоянным двором, где останавливались на отдых и ночлег конные обозы. Так ли это или

нет, но история нашего города таит в себе еще немало загадок. И одна из них – тайна старого колодца.

[в содержание...](#)

По водному пути

Немаловажным по значимости оставался водный путь в сибирские земли. Именно так добирались в неизведанные края многие переселенцы из Европейской части России. До открытия Сибирской железной дороги это был основной путь для тысяч крестьянских семей.

Одна из первых сибирских рек, где началось регулярное судоходство, была Обь. Первые пароходы на этой водной магистрали появились еще в 1844 году. На Амуре такое событие произошло только через десять лет, на Лене в 1862 году, а на Енисее годом позже.

Летом из Новониколаевска в города Колывань, Барнаул, Томск и Бийск можно было попасть на пароходе. Например, в навигацию 1912 года на реке Оби появились три новых парохода: «Богатырь», «Двигатель» и «Воткинский завод». Как указывалось в рекламных объявлениях того времени, «пароходы выстроены по американскому образцу, роскошно отделаны, со всеми новейшими усовершенствованиями».

Самой известной в Новониколаевске считалась пароходная пассажирская контора Е И Мельниковой. Ежедневно от Новониколаевской пристани отправлялись паровые суда для курсирования вверх и вниз по течению Оби. Ежедневные рейсы совершались между Новониколаевском, Барнаулом, Бийском и торговой деревней Камень (ныне г Камень-на-Оби). Дважды в неделю пароход ходил до Томска, преодолевая расстояние в 361 версту.

Самый дальний путь – в 813 верст вверх по течению – суда проходили от Новониколаевска до Бийска. Таким образом переселенцы добирались до конечных пунктов водного пути, а дальше ехали на лошадях.

Плавание на пассажирском пароходе, конечно, стоило денег. Поэтому переселенческие пункты отправляли крестьян в Сибирь на баржах, которые тянули буксиры. К слову сказать, буксирные общества и конторы в Сибири были довольно распространены. Если в Новониколаевске работали три пассажирских пароходных конторы, то буксирных было около десятка. Среди них наиболее крупные – Западно-Сибирское пароходство, Товарищество Руинин-Бейлип, Богословское горнозаводское общество и другие.

От города Мариинска была судоходна и река Кия. Были свои пароходы и на Томи. Евгений Демидович Вдовин 1893 года рождения вспоминал, что «... вместе с братом и отцом в 1913 году работал на Кемеровском руднике. Уголь тогда добывали через штольню с берега. Всю зиму выкатывали вагонетки с углем на берег а весной приходил пароход с баржей и забирал добытый уголь». По томской воде в Кузнецк, Щегловск (Кемерово) ходили буксирные и пассажирские суда. Даже в годы гражданской войны часть из них была в действии М.С. Смирнов 1894 года рождения рассказывал, что на Томи в 1919 году был пароход под названием «Дедушка». Появлялись судоремонтные заводы. В 1878 году пароход «Гагара», который шел с купеческими товарами по Томи, оказался в ледовом плену. Замерзшая река вынудила команду стать на зимовку в устье речки Самусы. Здесь известные сибирские купцы Жернаков и Гадалов облюбовали место для зимнего отстоя всех своих судов. На этом месте потом возник Самусьский (в 30-ти км от Томска) судоремонтный завод.

И еще одно интересное открытие. Несколько лет назад мальчишки откопали в песке на крохотной речушке Чебуле огромный якорь. Одно время якорь красовался у входа в редакцию чебулинской районной газеты, потом его перевезли в областной краеведческий музей. Старики говорили, что в свое время баржи ходили из Мариинска по Кии, а дальше из Усть-Чебулы по речке Чебуле.

«Мы выяснили, что якорь отлит на Гурьевском металлургическом заводе в конце XIX или начале XX века, – рассказывала научный сотрудник областного музея Любовь Кузнецова, – Видимо, по заказу какого-то купца. Даты точной определить пока не можем, просто проследили периоды выпуска заводом тех или иных изделий». («Кузбасс», 15 января 2000 года).

В октябре 1998 года газета «Кузбасс» опубликовала материал «Находка на Нижней Терси». Эта находка – пароход с деревянными плицами, застрявший и залившийся в одной из многочисленных томских проток. Как удалось выяснить, по Томи в свое время бегало до 50 подобных пароходов. Они возили из Сургута сырую нефть, сырье или изделия из Томска, забирали на обратном пути уголь, сельхозпродукцию. Такие пароходы обычно обслуживала команда из 20-25 человек.

Оказывается, и в истории судоходства в наших местах немало белых пятен.

Ново-Николаевскъ.

2-ой видъ пристани.

[в содержание...](#)

Иня, мать – река

*На земле, где живем, есть могучие
быстрые реки, есть речушка, где рядом стоит мой родительский дом,
есть река, словно детство, с которой я связан навеки...*

Кузбасский поэт Валерий Ковшов. Из поэмы «Истоки».

Основной водной артерией нашего района всегда была и остается река Иня. Она берет свое начало у южных склонов Тарадановского увала в районе деревни Инюшка. Этот населенный пункт до 1917 года носил название Инские Вершины и входил в состав Баянской волости Кузнецкого уезда. Ныне Инюшка – деревня Беловского района. Иня, некогда полноводная река, относится к типу равнинных. В верхнем и среднем течении в Иню впадают притоки, стекающие с Салаирского кряжа и его предгорьев. Это реки Бачат, Ур, Касьма, Гарсьма, Изьлу и другие.

Иня всегда привлекала российских переселенцев, на ее берегах появлялись заимки и деревни.

Только в нашем районе на лесостепных пологих берегах основаны крупные населенные пункты Грамотеино, Поморцево, Сидоренково, Коновалово, Каракан, Пермьяки...

Уже в XVIII веке Иня была изучена и подробно описана. Большая энциклопедия 1900 года писала об этой реке: «Правый приток Оби в Томской губернии. Длина течения 120 верст, долина реки изобилует минеральными богатствами, известна многочисленными рудниками – серебро-

свинцовыми, железными и каменноугольными. На Ине существовало три алтайских завода. (К концу XIX века они были закрыты)”. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона 1898 года добавляет: «... площадь бассейна реки Ини 12.450 квадратных верст (14180 кв. км). В нижнем течении сплавная». Сплавными отчасти были и левые притоки Ини. Особенно весной, когда сибирские реки вздувались от половодья. Ближе к Новониколаевску река была судоходна.

Исследователь Западной Сибири А.П. Дульзон объясняет происхождение названия «Иня» от тюркского инэ – «мать», то есть «мать-река». В XVII веке река носила имя Уень.

Интересны воспоминания В.Н. Скалона о сплаве по реке Ине в 1927 году. Профессор Василий Николаевич Скалон уже в преклонном возрасте работал в Кемеровском госуниверситете. Было это в 1975 году. В то время автор этих строк был студентом истфака. В.Н. Скалом развернул большую работу по комплексному изучению кузбасских рек.

В 1927 году Скалом прошел на лодке в Новониколаевск более 500 верст и вспоминал тот десятидневный поход: «На протяжении всей Кузнецкой степи река Иня течет в невысоких берегах среди непроходимых тальниковых зарослей в широкой пойме заливных лугов, усеянных озерами. Весной она сильно разливается, покрывает луга, соединяет озера и большой бушующей рекой несет, срывая плотины, размывая берега. В этой стремительной массе мутной воды не узнать скромную, совершенно прозрачную летнюю Иню...»

В 70-е годы мне пришлось работать в школе села Коновалова, раскинувшегося на берегу Ини. Противоположный берег, заросший лесом, издавна был местом для охотничьих походов и вылазок. Летом река сильно мелела, и на другой берег можно было попасть на тракторе «Беларусь» или перейти вброд. Весной Иня принимала таявшие воды, и тогда для переправы нужна была лодка. На противоположном берегу коноваловские жители основали сельское кладбище. Похоронные процессии должны были преодолевать реку.

Работая в школе, я встречался со старожилами, записывал их рассказы.

Как обычно, это воспоминания о том, что река изобиловала рыбой. Ловили рыбу и зимой. Для этого еще осенью опускали в воду специальные сети, а когда лед сковывал реку, сеть оставалась в воде. Вынимали ее и опускали при помощи нехитрых приспособлений через проруби. Лов был всегда неплохой.

В 1977 году мы с друзьями сплавились по реке Ине, попутно рыбачили, правда, тогда хорошего улова уже не было.

[в содержание...](#)

ГЛАВА 2. КАТОРЖНЫЙ КРАЙ

Кузнецкая тюрьма

Среди старых каторжан (а мне приходилось это слышать уже в наше время в беловской колонии строгого режима) бытовала такая история. Якобы Екатерина II решила увековечить свое имя. В конце XVIII века по ее приказу было построено девять больших каменных тюрем. Тянулись они от самого Урала до Кузнецких земель. Каждая тюрьма очертаниями своих казематов обозначала определенную букву, из которых можно было составить слово «Екатерина». Из этой серии должен был строиться тюремный замок в Мариинске, самый последний рavelин, конечная буква «А», которая и завершала все слово. Однако это только интересная легенда. В действительности мариинская тюрьма

начала строиться в конце XIX века, а первых своих арестантов она приняла только в 1912 году. (Тюрьма существует и поныне как следственный изолятор N3).

И все же сеть тюрем опоясывала всю Сибирь уже много лет назад. Большие тюрьмы были в Томске, Тобольске, Иркутске, Новониколаевске. В Новониколаевске, например, тюрьма находилась на углу Александровской и Стевенской улиц. В 1898 году там был даже установлен телефон под номером 276.

Дурной славой в Сибири пользовался Александровский централ, официальное название Александровская центральная каторжная тюрьма. По документам, она учреждена 18 ноября 1873 года. Но фактически каторга здесь существовала еще с XVIII века.

Централ получил название по селу Александровскому Усть-Балейской волости Иркутского уезда.

Режим в тюрьме был тяжелый. Об Александровском центре слагали песни. Вот слова одной из них, написанные неизвестным каторжанином в 1897 году:

... Далеко в стране суровой
Меж хребтов, лесистых гор
Обнесен стеной высокой
Чисто выметенный двор...
- Это, барин, дом казенный
Александровский централ;
Вот и я второе лето,
Как сюда в него попал...

По существующим в то время порядкам преступнику-рецидивисту, который не раз попадал в тюрьму, могли не только выбрить полголовы, но и нанести на лицо и тело клейма. Вот о чем рассказывает один из документов.

Полицейский урядник в селе Бачатском получил секретную бумагу из Кузнецка. В ней строго-настрого приказывалось задержать беглого каторжанина Литвинова, если вдруг тот окажется в границах вверенной волости.

14 июля 1867 года из кузнецкой тюрьмы совершил дерзкий побег Дормидонт Степанович Литвинов. Он принадлежал к высшей касте тюремной иерархии, таких высокопоставленных каторжан в своей среде называли «Иванами». Только они имели право украшать ворот рубашки красной вышивкой. На совести Литвинова было несколько убийств. Потому в разное время он прошел немало сибирских тюрем. Его приговаривали к каторжным работам, наказанию плетью. А в последний раз палач изуродовал его лицо – выжег пожизненное позорное клеймо.

Еще в XVII-XVIII веках преступникам вырывали клещами ноздри, урезали языки. На щеках и лбу вырезали незаживающее тавро в виде слова «ВОР» (воровством считалось тяжкое преступление – убийство, грабеж, измена, а не кража).

В Кузнецкой крепости для этого существовала съезжая изба, где не только находился воевода и сходилась вся переписка с территории округа, но и проводились дознания и пытки. При съезжей находилась тюрьма.

Из окладной книги города Кузнецка за 1655 год видно, что тюремный сторож получал 3 рубля жалованья в год, а подьячий в четыре раза больше. Был в тюрьме и свой палач с окладом 3 рубля в год.

В архивных документах встретились факты, подтверждающие гипотезу о том, что преступников клеймили и во второй половине XIX века, то есть после отмены крепостного права. В листке о розыске Дормидонта Литвинова в графе «Особые приметы» указываются знаки наказания от плетей на спине, на лице клейма «К.А.Т.» (возможно, каторжная Александровская тюрьма). Есть еще одна версия – в сибирских тюрьмах могли вырезать или выжечь на левой руке ниже локтя и на лопатке клейма «С» и «К».

Вместе с Литвиновым бежал еще один кузнецкий арестант – бродяга Артемий Ефимович Ефимов. Кроме описания одежды беглеца, был и словесный портрет: «Возраст 40 лет, рост 2 аршина и 7,5 вершков (аршин 71,12 см, вершок – 4,45 см), лицом бел, волосы светло-русые, глаза сине-карие».

И опять похожий почерк палача: следы наказания плетью, клейма на левой руке, ниже шеи, и на лопатке «С» и «К». Скорее всего это аббревиатура слова «Ссылнокаторжный», а сделать такое тавро могли и в Кузнецкой тюрьме. С такими особыми знаками скрыться трудно. Но были случаи, когда каторжники жили в глухих, старообрядческих скитах.

Между тем побег из кузнецкой тюрьмы продолжались. 4 сентября 1867 года «по слабости конвоя и ветхости острога» бежал арестант Федор Сидоренко. 3 сентября 1870 года снова побег. На этот раз его совершил инородец Телеутской волости (ныне территория Беловского района) Василий Михайлович Сарафанов. В документах не указывается, как сложилась судьба беглецов.

В тюрьме сидели не только преступники, но и невинные люди. Например, одна из статей, по которой обычные крестьяне попадали в тюремный замок – отказ от уплаты податей. Такие как инородец Телеутской волости Прокопий Егорович Шадеев и крестьянин Игнатий Федорович Беляев получили несколько месяцев тюрьмы. По действующим тогда законам на каторгу в наши места попадали только уроженцы Сибири, остальных гнали на Сахалин. Каторжане делились на срочных, то есть имевших определенный срок (5-15 лет) и бессрочных (до 20 лет). Все ссылнокаторжные по истечении срока наказания, а бессрочные через двадцать лет, переводились в разряд ссыльнопоселенцев.

Дореволюционное законодательство строго карало тех, кто поднял руку на родителей. Отцеубийцы и матереубийцы под амнистии не попадали. Практически им была уготована пожизненная каторга.

[в содержание...](#)

Фальшивомонетчики

Началось все со случая. В один из субботних январских дней 1867 года коноваловский крестьянин продал корову. Одна из 10-рублевых купюр, полученных за буренку, оказалась фальшивой. Мужик сам кое-как оправдался перед полицией, когда схватили его в лавке, где он товары покупал.

Такие же фальшивые деньги обнаружили на ярмарке в селе Бачатском, деревнях Белова, Евтина, Грамотеина. Найти место изготовления поддельных десятирублевок не удавалось. Как не могли выйти на след людей, причастных к этому делу. «Блиноделы», так тогда называли фальшивомонетчиков, действовали осторожно.

И вот в Кузнецке новый случай. 22 января 1867 года в казначейство пришли три человека. Один из них пытался обменять якобы случайно разорванный 10-рублевый казначейский билет. В купюре присяжный казначейства тут же узнал подделку, но злоумышленник вырвал деньги из рук чиновника и бросился бежать.

Как потом оказалось, это был кузнецкий мещанин Михаил Наумов. С ним были братья Яков и Андрей Шукшины. Из казначейства тут же дали знать полиции. Квартальный надзиратель Таманов с тремя полицейскими пошел к дому Наумова. Дома были все трое, но полиции они сдаваться не собирались.

Здоровенные братья Шукшины вместе с Наумовым бросились на полицейских. Натиск был так дерзок и силен, что полицейских тут же избили, и те бросились бежать. С ними удрал и квартальный надзиратель Таманов. Так гнали их до самой солдатской сборной. И тут нападавшие не успокоились, с маху высадили два стекла. Кое-как фальшивомонетчиков скрутили и посадили в «чижовку» (так называлась камера при полицейском участке). Но и тут Андрей Шукшин вместе с братом выломали скамью и разнесли печь. Наумов выворотил печную дверцу и начал ею бить в дверь. Круша все вокруг, они вышибли раму, но не смогли сломать решетку. Пришлось их связывать. Два полицейских чина так пострадали от арестантов, что их увезли в лазарет. Были отправлены в тюрьму Наумов и братья Шукшины. Но допросы ничего не дали. Следствие зашло в тупик, «блиноделов» не нашли.

26 марта 1878 года в полицейское управление привели с Кузнецкого базара крестьянку Феоктисту Лыченкову. У нее обнаружили четыре фальшивые 25-копеечные монеты. Лыченкова клялась и божилась, что деньги выручила в деревне Феськи (была такая под Кузнецком) от продажи шерстяных опоясков.

След привел в село Березовское. Там и схватили двух местных мужиков –Бычкова и Веригина. Хотя у них отобрали несколько фальшивых монеток, но в том, что они их чеканили, виновные не признались. Твердили одно, мол, сами пострадали, не знали, что расплатились с ними за мед поддельными 25-копеечными монетами. Единственный грех – чтобы не остаться в убытке, мужики пытались сбыть монеты в Кузнецке, Каракане, Бачатах.

Раньше на Руси за подделку монет казнили страшной смертью. Легко мог пострадать и невиновный, достаточно было обнаружить у него фальшивую монету. Подделку расплавляли до жидкого состояния и заливали бедолаге в горло. Муки обреченного были ужасны. Человек умирал в жутких страданиях.

Потом, в XIX веке, судили за это тоже строго – «блинодела» ждали каторжные работы. И все же, несмотря ни на что, фальшивые деньги появлялись часто.

В Александровском центре арестанты умудрились напечатать денежные купюры 25-рублевого достоинства и отчеканить полтинники. Деньги изготавливались с удивительным мастерством и настолько походили на оригинал, что через надзирателей часто переправлялись на волю и служили средством платежа наравне с настоящими.

Полтора года Александровская каторжная тюрьма снабжала всю Иркутскую губернию и часть Сибири фальшивыми деньгами.

Полиция и жандармерия сбились с ног, разыскивая «монетный двор», но никто и догадаться не мог поискать его в тюрьме. Только случайный обыск камеры фабрики положил конец нарушению государственной монополии на денежную «эмиссию». Были свои «блиноделы» и в сахалинской ка-

торжной тюрьме, некоторые из них в прошлом окончили полный курс Императорской академии художеств.

И все же одного фальшивомонетчика выследили и схватили с поличным. Правда, было это уже в 1883 году. 24 марта в кузнецком тюремном замке по доносу произвели дотошный обыск в одной из камер. В ней сидел поляк Иоганн Домбровский. Трудно сейчас сказать, как он попал в Сибирь, но скорее всего он угодил в тюрьму за подделку векселей и паспортов. В камере была найдена латунная форма для изготовления фальшивых кредитных 10-рублевых билетов и другие принадлежности для подделки. Домбровский в изготовлении формы признался, но наотрез отказался признать то, что печатал деньги. Большого добиться от него не смогли.

И в последующие годы в Кузнецком уезде время от времени появлялись фальшивые деньги. Полиция вела постоянную борьбу с «блиноделами», но особых успехов не имела.

[в содержание...](#)

Острог

Тюрьмы строили в крепостях, острогах, вот почему и называли тюрьмы еще и острогами. Пошло это от первых оборонительных укреплений – высоких стен из врытых вертикально и заостренных, то есть остроганных бревен. По первости от недосуга и времени, и материала наскоро устраивали камеры в деревянных срубках. А потом уже возводили на века из камня.

Со всех волостей за различные провинности волокли людей в Кузнецк на суд да в тюрьму. На горе у Томи выделялась уже издали на фоне неба своими башнями и стенами Кузнецкая крепость. В крепостном дворе и размещался более двух веков тюремный замок окружного или уездного значения.

Всего же в крае действовала целая сеть тюрем, пересыльных и этапных пунктов. В «Общем очерке состояния Бачатской волости» за 1892 год, который приводит Г.И. Артемов в книге «История Беловского района», говорится:

«... В Бачатах две каталажки – женская и мужская. В отчетном году в ней содержалось 18 человек. Этапных зданий по тракту для арестантских партий – четыре, все они в должном порядке». Были камеры и каталажки и в остальных волостных селах – Караканском, Семенушкино (сейчас это разъезд 14-й км), Старо-Пестеревском и других. Но всех оттуда везли в кузнецкий тюремный замок.

В 1800 году, погоревав после очередного пожара, который выпластал множество домов в Кузнецке, в том числе часть деревянного тына крепости, решили строить стены из дикого камня. Для этой цели даже использовали труд арестантов.

Сегодня, через две сотни лет, крепости вернули ее первоначальный облик. Высятся стены и надвратная башня, смотрят вдаль крепостные орудия.

Но вернемся к прошлому. В первой половине XIX века границы отодвинулись от Кузнецка далеко на юг. Крепость напрочь утратила свое военное значение.

В 1858 году из столицы в Кузнецк с инспекторской проверкой приезжал штабс-капитан Лунерт. Он обошел заросшие лебедой и полынью рвы, лазил на стены, осмотрел башни и арсенал. Итоги осмотра Лунерт скрывать не стал: “Толку в этой крепости никакого, военному ведомству она без надобности».

Штабс-капитан писал начальству: «Кирпич, железо, печные приборы можно оценить в 2500 рублей серебром”. Но местные власти крепость ломать для мелочной продажи и не думали, она при-

годились как тюрьма. Поэтому городничий обратился с просьбой в губернию, мол, дайте денег на ремонт. А оттуда неспешная эстафета: «В связи со скудными возможностями губернского бюджета» в просьбе было отказано.

Тюрьма стала ветшать. Обваливались камни стен, расшатывались перекрытия.

В крепости неотлучно несла службу местная воинская команда. В Кузнецке, как городе сугубо тыловом и далеком от всех рубежей, оставили только инвалидную команду старых солдат. Они попадали в крепость уже в преклонном возрасте, немощными, зачастую получив в минувших сражениях тяжелые увечья и раны.

Не от этого ли понятия произошло довольно странное название официальной газеты военного министерства царской России – «Инвалид»? Видимо, это звучало как сейчас у нас «Ветеран».

Старым солдатам трудно было нести службу. И оттого случались в кузнецкой тюрьме и побег. Так, 1 августа 1848 года охрана упустила двух долгосрочных арестантов. Тюремный надзиратель Иван Никифоров, состоявший в полицейском штате, отвечал за особо опасных злодеев. За охрану тех, кто сидел за убийства и грабеж. Накануне Никифоров слезно упрашивал ефрейтора – инвалидной команды Игнатия Осипова выделить конвой. Но Игнатию посылать было некого, и он только отмахнулся от надзирателя: «Сам и веди». В тот день произошло еще одно событие. Унтер-офицер, который всегда командовал караульными, заболел и вместо него в тюрьме находился рядовой, инвалид Андрей Подышный. Все эти случайности были на руку арестантам.

Бежать из-под стражи в те времена на воровском жаргоне называлось «слушать кукушку». По первости охрана не могла понять, что это значит. А когда стали «слушать кукушку» сразу по несколько человек, надзиратели всполошились. Но военный караул их опасений не разделял.

В первый день августа 1848 года из кузнецкой тюрьмы бежали Иван Бухтуев, Степан Некрасов, за плечами которых было немало всякого. Тем более что Некрасова ждала бессрочная каторга. В камере сидел и третий арестант – Федор Ишанский. Ему предоставлялась уникальная возможность бежать. Однако, ко всеобщему удивлению, он ею не воспользовался и остался в тюрьме. Стражники и казаки искали беглых, но все безрезультатно.

4 сентября через два десятка лет, в 1867 году, из кузнецкой тюрьмы бежали Иван Айков, Федот Жуковский, Иван Мальков и Владимир Непомнящий. И эти арестанты смогли уйти от погони. Видимо, они скрывались на безымянных заимках в дремучей тайге. В то время немало было дальних таежных мест, куда не появлялся ни урядник, ни казаки.

[в содержание...](#)

Разбойничий двор

Интересную историю о переселении в Черту в 1908 году семьи Семибратовых рассказал Поликарп Терентьевич Семибратов, один из старейших жителей г. Белова. Его отец, Терентий Семибратов, безземельный крестьянин Самарской губернии, в 1904 году попал на русско-японскую войну. Воевал он в Маньчжурии. За геройство получил два Георгиевских креста и чин фельдфебеля.

Там, на фронте, и встретился Семибратов с теми, кого забрали на войну из Бачатской волости, из деревень Поморцево (Таиново), Коновалово, Старобачаты, Белово и других.

Рассказы солдат-сибиряков о вольных и свободных землях увлекли Семибратова. У себя в деревне стал он подбивать людей к переселению в Сибирь. Таких охотников оказалось двенадцать се-

мей: все родственники Семибратова и два его шурина – Василий Петрович и Ефим Петрович Сельцовы.

Решили ехать на санях, а весной на телегах, со своими лошадьми и скарбом, а не по «железке». Хотя сибирская дорога уже была, и на паровозе можно было добраться до Тайги или Мариинска. Но хотелось сохранить своих лошадей и инвентарь. Добирались почти 100 дней. Отправились с Саратовской земли, когда только-только легла зима, а добрались до Бачатской волости уже весной. Добирались трудно, опасаясь разбоя, в возах прятали ружья. Терентий Семибратов, самый старший из братьев, был старшим и в обозе.

Ехали по глухим таежным местам мимо кержацких хуторов (по 2-3 дома), где с давних лет были постоянные дворы для проезжих путешественников. В одном из таких мест и произошел с переселенцами случай, кстати, в этих краях нередкий. После ночевки Терентий Семибратов пошел расплатиться с хозяином за ночлег. Хозяин, здоровенный мужик, заросший дремучей бородой, повел Терентия в избу. Семибратов, человек не робкого десятка, все же почувствовал что-то недоброе и затаенное во взгляде кержака. Около дверей мужик внезапно остановился и, загородив собой проход, потребовал: «Ну, давай деньги за постой». Семибратов одной рукой крепко взялся за скобу двери, а другой подал требуемую мелочь. Остальные «общие деньги» на всю дорогу хранил он зашитыми в мешочек на груди под рубахой.

*На снимке:
Терентий Васильевич Семибратов.*

Кержак понял, что проезжий что-то заподозрил, и со злой разочарованностью сказал: «Ну, ты мужик бывалый», – повернулся и ушел. Уже потом узнал Семибратов, что под той половицей, где он стоял, открывался провал. Скрытым рычагом хозяин мгновенно убирал из-под своей жертвы пол. И тот с маху падал глубоко вниз, в специальный подвал с острыми кольями.

Говорили, что в том постоялом дворе якобы пропадали люди. Так случайно избежал Терентий Семибратов западни и мучительной смерти. Разбой на дорогах был делом обычным. Проезжающих, особенно купцов, грабили. Тела уничтожали.

Лошадей продавали цыганам, а телеги да сани сжигали. Поэтому, когда обоз добрался до Бачатской волости, переселенцы были особенно рады.

Саратовские крестьяне осели на месте нынешнего поселка Чертинский. Семибратовы ставили дома на улице Канаш. Лес рубили на Чулыме и в Бачатах. Так одни из первых переселенцев заселили всю улицу. Дом Терентия Васильевича Семибратова цел до сих пор. А рядом были избы его братьев Петра, Наума и других родственников.

А еще один брат, Сергей, вместе с Сельцовыми обосновался в деревне Теплая Гора Беловского района. Было это в 1907-1908 годах. Однако русские осваивали эти места не первыми. Еще по переписи прихожан в церковных документах в деревне Чертинской в 1881 году числилось 34 двора, в которых инородцев проживало 136 человек.

Так заселялся один из будущих микрорайонов города Белово – Чертинский.

Русская водка и Кузнецкий край

В Сибири водка ценилась всегда, а в годы освоения этого края особо. Это был и эквивалент денег, и самый необходимый продукт для кочевых племен.

И.Г. Прыжов в книге «История кабаков в России» пишет. Всякое мирское дело непременно начиналось пиром или попойкой, и поэтому в социальной жизни народа напитки имели громадное культурное значение».

В наших местах ближайшим центром торговли было село Бачаты. В 1888 году в рапорте губернатору кузнецкий исправник писал, что «в Бачатах оптовый склад винно-водочных изделий принадлежит дворянину Платонову и чиновнице Судовской, а в Большебачатском улусе – бийскому купцу Сахарову. Из своего оптового склада он обеспечивал виолавки в восьми селах», – указывается в монографии Г. И. Артемова «История Беловского района».

Водку в Кузнецкий уезд привозили из других городов. Так было до 1898 года. И вот в г. Кузнецке Томской губернии решили строить казенный винный склад. В то время в этом уездном городе проживало чуть больше трех тысяч человек.

В начале XX века в Сибири создавалась целая сеть винно-водочных предприятий. К 1905 году должны были вступить в строй восемь таких заводов. Часть из них уже работала на полную мощность. Это Томский, Барнаульский, Мариинский, Бийский, Новониколаевский, Канский, Змеиногорский и Кузнецкий заводы.

В Мариинском уезде в 1902 году свою продукцию стал выпускать Мариинский спиртовой комбинат, он работает и сейчас.

Кузнецкий оптовый склад строили с большим запасом прочности. Своды винного подвала возводили из толстого металла с учетом сейсмостойкости конструкции. До наших дней сохранились здание склада и старая часть завода. Без изменений дошли до нас даже некоторые детали: дубовый пресс для отжима фруктово-ягодной смеси, отлитые как одно целое чугунные лестницы.

Завод давал 100 тысяч ведер водки в год (ведро = 12,29 литра, или 8 штофам, или 10 кружкам, или 4 четвертям). Несмотря на вековые заблуждения и утверждения о том, что русский народ отличался в первую очередь пьянством, статистика этот факт подтвердить не смогла. Если в конце XIX века в России в среднем один житель потреблял чуть больше трех литров спиртного в год, то в Германии и Дании – восемь литров. Более пяти литров приходилось на каждого швейцарца, чуть меньше потребляли Голландия, Франция и Швеция.

Возможно, русские пили более крепкие напитки, а европейцы – пиво и легкое вино.

В Сибири, судя по документам, водка никогда не была благом. Так, например, 21 мая 1896 года в день коронации Николая II (которое праздновалось по всей России) в Новониколаевске начались беспорядки. Как писала газета «Томские ведомости», «бунтовщики разметали палатки, установленные для угощения народа, разгромили винный погреб и перепились. В это время из собравшейся многочисленной толпы выделились «охотники-усмирители» и рассеяли бунтовщиков, коих было числом около 30 человек, причем так сильно помяли некоторых из них, что из восьми человек, направленных в бессознательном состоянии в волость, двое умерли в пути, не доезжая до больницы».

Жестокие бунты, как протест против мобилизации на войну с Германией, прокатились по всей России. Были они и в Кузнецком уезде. Особенно многочисленными были выступления призывных крестьян в селе Пестереве. В первую очередь народ разгромил винные лавки.

В годы первой мировой войны производство винно-водочной продукции было ограничено. Был введен «сухой закон».

Рисунок из журнала «Нива». Конец XIX века.

[в содержание...](#)

ГЛАВА 3. НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВУ

Пограничная линия

Действительный член Западно-Сибирского отдела императорского географического общества князь Николай Алексеевич Костров (1823-1881) оставил после себя множество работ по этнографии, истории и статистике Сибири. В очерке о Кузнецке и кузнецких землях секретарь губернского статистического комитета Н.А. Костров приводит такой факт: «В 1624 году кузнецкий воевода Баскаков писал томскому воеводе, что татары его ведомства угрожают нападением и положенный ясак (дань) не заплатили». На русские селения не раз нападали киргизы, теленгуты, зюнгорцы и другие кочевые племена. Вторжение кочевников было делом обычным. Набеги отмечены в 1632, 1638, 1640 и 1665 годах. Особенно разорительны были нашествия врагов на кузнецкие волости в начале XVIII века, в 1700 и в 1703 годах.

Чтобы как-то оградить себя от степных разбойников, и строили казаки и служилые люди острожки с частоколами и башенками. Для связи Кузнецка с Томском еще в 1657 году был выстроен Верхотомский острог. Через 39 лет появился еще один – Сосновский. При Петре I в 1715 году возведен Мунгатский острог.

В XVIII веке началось строительство новых укрепленных линий. Десятки маяков, застав и караулов составляли единую Иртышскую оборонительную линию. Начинаясь она в Омске и тянулась до Усть-Каменогорска. А дальше от диких берегов Иртыша возводилась Кольвано-Воскресенская защита. В 1745 году Елизавета I указала начать строительство Кузнецкой укрепленной линии. Была она внушительной и защищала от набегов и нападений не только сибирские поселения, но и трехсотверстовой участок российского пограничного рубежа. В состав линии входило две крепости – Бийская и Кузнецкая, 14 редутов и Кузедеевский форпост.

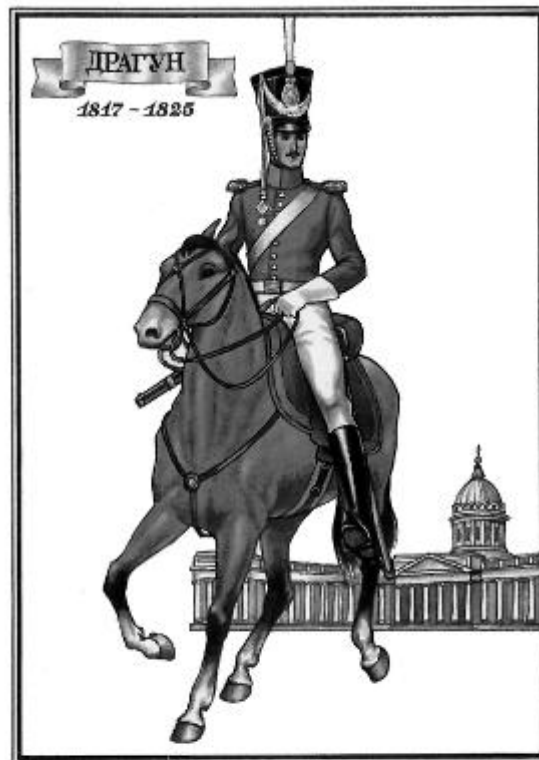
Через весь Кузнецкий округ на расстоянии 18-20 верст друг от друга тянулись укрепления из бревен, земляных насыпей и валов. Назывались они редутами. (Редут – сомкнутое полевое укрепление прямоугольной формы. Применялось для организации круговой обороны. – *Военный энциклопедический словарь*).

Нынешний читатель во многих названиях редутов не найдет привычных имен современных населенных пунктов: Бахтёрминский, Новиковский, Сандыбский, Нижне-Ненинский, Пыштылимский и другие. Но такие названия, как редуты салаирский, сары-чумышский, калтанский и ашмаринский, созвучны существующим сейчас географическим названиям.

Салаирский редут был заложен среди непроходимой черневой тайги на горе. Он прикрывал от неприятельских набегов не только одноименный рудник, но и часть территории нынешнего Беловского района.

Обычно редуты строились на возвышенности. С четырех сторон его окружали бревенчатым частоколом со сторожевыми башнями. Внутри находились избы служилых людей и других поселенцев. Гарнизоны редутов были малочисленными от 20 до 30 человек. Даже в самом Кузнецке в 1774 году насчитывалось всего 160 гарнизонных солдат и казаков да семь пушек.

Для связи между укреплениями устраивались еще и промежуточные маяки. На них в случае опасности и зажигали огонь из соломенных снопов, привязанных к высокому шесту. Так от поста к посту и катилась весть о том, что на границе появился неприятель. В архивных документах указывается, что расстояния между редутами были небольшие, а именно от 18 до 27 верст, только от Новиковского до Кузедеевского форпоста было 132 версты, а от него до кузнецких крепостных ворот 55 верст. Да едва ли врагу удалось бы скрытно и быстро пройти по сплошным гиблым болотам и топям, преодолеть гористое чернолесье, известное под названием «Кузнецкая чернь». На этом Сибирская пограничная линия прерывалась. Вести ее до Енисея из-за гористой местности не представлялось возможным.

*На репродукции:
драгунский офицер Луцкого полка.
Этот полк участвовал в охране
Сибирской пограничной линии.*

Кроме казаков, оборонительную линию охраняли два драгунских полка – Луцкий и Олонецкий. Драгуны отличались от других кавалерийских и пехотных частей тем, что могли с успехом вести бой и в конном, и в пешем строю. Мобильность драгунских эскадронов была высокой, «конные пехотинцы» могли за короткий срок преодолеть десятки и даже сотни верст. Это качество особо ценилось при охране рубежей, когда кордонная линия простиралась на многие версты. Конные дозоры драгун и казаков постоянно контролировали Сибирскую линию в XVIII и в XIX веках.

Уже к концу XVIII века Сибирская пограничная укрепленная линия состояла из нескольких участков: Тоболо-Ишимского, Иртышского, Колывано-Воскресенского и Кузнецкого.

С присоединением новых земель в 1847-1853 годах была построена новая Сибирская пограничная укрепленная линия. Начиналась она в районе Семипалатинска и шла до форта Верный (Алма-Ата). В обороне этой линии участвовали сибирские казаки и регулярные войска.

[в содержание...](#)

Аскарлы – Солдатское село

*... Отслужил солдат
службу трудную,
Службу трудную,
государеву.
Двадцать лет служил,
да еще пять лет...
Из песни.*

В Сибири, в ее дальнем углу, в Кузнецком округе, солдатская служба была чуть краше каторги. Об этом свидетельствуют документы многих лет. Более того, с 1703 года служба в армии стала пожизненной. Еще через 70 лет рекрутские наборы проводились почти ежегодно. Призывной возраст был довольно разнообразным – от 17 до 30 лет. В 1793 году вместо пожизненного срок службы был ограничен 25-ю годами. Но легче от этого не стало. Ведь для семьи это было равносильно потере отца, сына или брата. Кроме службы в местных гарнизонах, на редутах и форпостах Кузнецкого округа, сибиряки участвовали во всех войнах, которые вела царская Россия в XVIII-XIX веках.

Во время путешествия академика Фалька в Кузнецк в 1771 году в крепости было два эскадрона драгун и среди них 90 служилых казаков. Они часто снаряжались не только для охраны кордонной линии, но и в экспедиции в села и деревни округа. Своих воинских частей в селах Бачатском, Пестеревском, Семенушкино, Каракан не было. Поэтому при необходимости солдат вызывали из Кузнецка или Салаира.

В селе Салаирском и на руднике была расквартирована рота солдат с офицером. В 1816 году, например, для подавления крестьянского бунта в селе Бачатском туда была направлена воинская команда из Салаира. В Кузнецке в составе гарнизона несла службу инвалидная команда. 2 января 1835 года уже в зимних сумерках в крепость прибыл генерал-майор Мусин-Пушкин. За четыре часа, которые он провел в Кузнецке, столичный генерал осмотрел инвалидную и артиллерийскую команды. И уже никуда не заходя, Мусин-Пушкин за полночь отправился в Томск. По дороге он проезжал село Бачатское, Салаирский рудник.

Все вокруг петербургскому жителю показалось дремучим и диким. Кузнецкий гарнизон на него

произвел удручающее впечатление. Большая часть солдат-инвалидов из-за тяжелых увечий давно уже не годилась для гарнизонной службы. То и дело в сообщении начальника инвалидной команды майора Домашева упоминалось о неожиданной смерти его подчиненных.

Так, 30 мая 1844 года в солдатской бане при крепости умер от апоплексического удара рядовой Михаил Назаров. 21 сентября 1853 года в сборном пункте скончался солдат Авдей Прохоров.

В ноябре 1856 года городничий Андреев донес томскому губернатору, что 25 ноября на службе умер рядовой инвалидной команды Федор Петров. Не принесла облегчения и реформа в армии. Еще в 1834 году срок службы был сокращен до 20 лет, но она оставалась невыносимо тяжелой. Рекруты из Бачатской, Караканской волостей служили во многих городах России и на Сибирской оборонительной линии. В гарнизонах, на форпостах и редутах не редкостью было самоубийство солдат.

18 июля 1850 года кузнецкий солдат Ян Мановский застрелился из казенного ружья. Его тело было найдено недалеко от крепости. Самоубийца привязал к спуску ружья шнурок, который прикрепил к пальцу правой ноги, и выстрелил себе в голову.

В Кузнецком округе было немало сосланных поляков, отданных в солдаты. В городе Белове и районе проживает немало их потомков. Нужно отметить, что полякам было еще тяжелее выносить условия службы в Сибири. 30 сентября 1850 года покончил жизнь самоубийством солдат инвалидной команды поляк Ян Поплавский.

Во второй половине XIX века вся Кузнецкая оборонительная линия стала тыловой. Граница отодвинулась дальше, в казахские земли. Военное значение этого укрепленного рубежа снизилось. В 1855 году горный начальник алтайских заводов полковник Гернгрос побывал на салаирском и сарачумышском редутах. В Кузнецкой крепости он лично дотошно осмотрел все строения и дал краткий отзыв, что для охраны рудников и заводов Алтайского округа крепость не нужна. Отпала необходимость и во всей пограничной линии. С его мнением согласился генерал-губернатор Западной Сибири Гасфорт. В марте 1856 года он одобрил предложение главного начальника алтайских горных заводов о передаче в гражданское ведомство 12 каменных строений в Кузнецкой крепости.

Тем не менее, гарнизон в крепости и специальные команды на рудниках содержались постоянно. Они использовались для охраны золотых приисков, сопровождения казенных обозов, подавления недовольства мастеровых, заводских рабочих и крестьян.

В 1860 году инвалидной командой руководили майор Снетковский и офицер Темнов. К 1877 году количество военных чинов в Кузнецкой крепости значительно уменьшилось. Из 1626 мужчин, живущих в то время в городе, только 185 находились на службе в гарнизоне. Многие солдаты обзавелись к тому времени семьями. В Кузнецке жило 59 жен военных. Отставные солдаты оставались на жительство здесь же, в Кузнецком округе. Они жили в деревнях Белова, Конева, Пермякова, Коновадова, Сидоренкова и других. Об этом рассказывали их потомки – беловчане.

К началу русско-турецкой войны 1877-1878 годов только в Кузнецке их было 84 человека. Вообще оставаться после службы в этих же местах – традиция довольно давняя.

Еще в XVIII веке казаки, отслужившие свой срок в Кузнецком остроге, основали село, которое местные жители так и называли Усть-Аскарлы. «Аскарлы» переводится как «солдатское село» (ныне оно входит в Новокузнецкий район).

*На рисунке
солдаты инвалидной команды (начало XIX века).*

[в содержание...](#)

Сибирские полки

Давно замечено, что сибиряки – особый народ, закаленный в непростых условиях жизни, в каждодневной борьбе за выживание с неласковой природой.

Сибиряк с малых лет был метким охотником, умело и ловко владел оружием, легко ориентировался в тайге, в горах был вынослив и неприхотлив. К тому же, как правило, был храбрым и отважным воином.

Все это вместе взятое и послужило причиной для создания особых отдельных сибирских частей. Еще при Петре I были образованы 38-й Тобольский пехотный и 9-й гренадерский Сибирский полки, впоследствии прославившиеся во многих боях и сражениях. К концу XIX века в русской армии насчитывалось более 80 сибирских полков и отдельных частей. Служили в них и наши земляки.

Один из старейших жителей города Белова Анатолий Яковлевич Кабаков из поселка Артышта хорошо известен читателям. Городская газета не раз рассказывала о нем, публиковала его заметки. За свои девять с лишним десятков лет жизни он многое повидал, его рассказы о пережитом уникальны. А.Я. Кабаков вспоминает: «Мой дед при Александре II служил на границе с Киргизией долгие годы. До самых последних дней он отличался военной выправкой и армейской дисциплиной».

Беловчане служили во всех уголках России, но большинство попадало в части Сибирского военного округа.

В 1864 году началась военно-административная реформа Российской императорской армии. Годом позже были учреждены Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский военные округа. Кузнецкий край (как и вся Томская губерния) вошел в состав Западно-Сибирского округа.

По документам тех лет можно установить, что многие наши земляки отбывали воинскую повинность в Новониколаевском гарнизоне. В 1912 году там было закончено строительство военного городка. В новых казармах разместились солдаты 41-го Сибирского стрелкового полка и 11-го артиллерийского дивизиона. В то время начальником был полковник П.К. Вставский.

На снимке:

Солдаты 9-й Сибирской стрелковой дивизии. 1915 год. Первая мировая война

Всеми призывными делами в Кузнецком крае ведал полковник Николай Петрович Сухов, уездный воинский начальник.

В 1868 году срок службы был сокращен с 12 до 10 лет. Русско-турецкая война 1877-1878 годов застала Россию в период проведения военной реформы.

В 1874 году вводится всеобщая воинская повинность. Теперь каждый мужчина, достигший 21 года, должен был 6 лет отслужить в армии или 7 лет во флоте. Затем он переводился в запас. Однако существовало множество оговорок. Например, это не распространялось на коренные народы Сибири. Так, телеуты долгое время в царскую армию не призывались. В то же время русское население деревень Белова, Колмогорова, Евтина, Коновалова и других неукоснительно служило и в армии и во флоте.

Мобилизация запасных в наших местах была делом нелегким. Села, деревни, заимки были разбросаны по тайге и степи на большом удалении друг от друга. Дорог почти не было, существующие весной и осенью развозило до непролазной грязи.

В 1870-х годах в деревне Белово из 300 жителей обоего пола было более десятка рекрутов, которых отправляли на царскую службу всей деревней. Перед русско-турецкой войной 1 ноября 1876 года началась частичная мобилизация мужского населения. К этому времени еще не полностью легли зимние дороги от Белова до Бачат, Салаира и других крупных центров призыва. Все это осложняло дело. Только из наших мест в армию уходило несколько сот человек. Всех их нужно было собрать и отправить в Кузнецк, Томск или Новониколаевск.

Дмитрий Алексеевич Поникоровский, известный своими работами по истории Салаирского края, с 22 октября 1874 года занял пост полицейского пристава в Салаире. Поникоровский принял участие в организации призыва. Тех, кто не хотел служить, полиция отправляла в казармы насильно. Предписанием томского губернатора от 27 июня 1877 года салаирскому приставу была объявлена благодарность «за содействие призыва запасных нижних чинов на службу». Впоследствии оказалось, что на русско-турецкую войну попало множество наших земляков. Об этом по воспоминаниям предков рассказывали многие беловчане.

[в содержание...](#)

Под Андреевским флагом

Прощайте, товарищи, с Богом – ура!

Кипящее море под нами.

Не думали мы еще с вами вчера.

Что нынче умрем под волнами...

Песня о «Варяге», 1904г.

Кузнецкий край, далекий от морей и океанов, оказывается, славился воинами, геройски сражавшимися не только на суше, но и на морских просторах. Одним из основных театров военных действий в русско-японской войне 1904-1905 гг. был морской. В составе трех русских эскадр, принявших участие в морских сражениях с японцами, было более сотни уроженцев сел и деревень Бачатской, Караканской, Николаевской волостей.

К сожалению, сейчас материалов об этом периоде истории сохранилось очень мало. Большую работу по сбору архивных данных о русско-японской войне провел мой университетский педагог профессор Д.В. Кацюба – прекрасный знаток края, автор многих работ на эту тему. Сохранились разрозненные сведения в областном и гурьевском краеведческих музеях.

Гавриил Алексеевич Степанов из деревни Кочкуровка бывшего Беловского района служил матросом на броненосце «Ретвизан» 1-й Тихоокеанской эскадры С.О. Макарова. За мужество был награжден тремя Георгиевскими крестами и медалью. Награды довольно уважаемые в то время, они даром не давались. Служба Петра Пантелеевича Петушкова проходила на броненосном корабле «Победа». Это боевое судно участвовало в обороне Порт-Артурской акватории. Сидор Яковлевич Чечиков был артиллеристом (по-морскому – комендором) на броненосце «Орел», в команде которого находился и будущий писатель Новиков-Прибой, автор дилогии «Цусима».

Андрей Митрофанович Белов, из деревни Беловой, служил на крейсере «Рюрик», участвовал в боях за крепость Порт-Артур. После гибели корабля в неравном бою с японцами чудом остался жив, попал в плен. Вернулся А.М. Белов в родное село только в 1906 году.

А вот небольшой эпизод той далекой войны на Дальнем Востоке вообще принадлежит мировой истории. Образ крестьянина, нашего земляка из деревни Еловка Василия Николаевича Новикова, который совершил подвиг, запечатлен в бронзе.

...Когда шальные маньчжурские вьюги заносили кромку льда в Порт-Артурской гавани, русские эсминцы «Решительный» и «Стерегущий» ушли для дальней разведки к мысу Элиот. Уже на обратном пути, в нескольких милях от Артура, на русских навалились шесть японских миноносцев.

После первых же вражеских залпов запылал эсминец «Решительный». Но еще тяжелее пришлось маленькому, всего в 240 тонн водоизмещением, «Стерегущему». Японские снаряды рвались на палубе корабля, превращая надстройки в стальные лохмотья, калеча людей и корежа орудия. «Стерегущий» запарил изувеченной машиной, заглатывая стью воду через многочисленные пробойны. Каким-то чудом держась на курсе, «Стерегущий» полыхал всеми уцелевшими орудиями. Напрасно ведущий миноносец «Решительный» бросался на превосходящие силы японцев, его отгоняли сосредоточенным огнем судовой артиллерии. От всплесков огня и дыма уходила из-под ног палуба. Со «Стерегущим», казалось, было все кончено. Из 52 человек команды эсминца уцелело несколько искалеченных матросов. И когда один из японских крейсеров нахально подвалил к борту, до единственного уцелевшего минного аппарата дополз раненый матрос Василий Новиков и в упор угодил миной в японский корабль.

Кстати, в этом неравном бою русские моряки уничтожили два неприятельских эсминца. Напуганные взрывом своего миноносца, японцы долго добивали с трудом державшийся на воде «Стерегущий», прежде чем рискнули снова подойти к нему. А потом, обрадовавшись добыче, стали суетливо заводить буксирный трос, надеясь утащить «Стерегущий» в плен. Когда японские матросы забрались на палубу русского корабля, эсминец стал стремительно погружаться. Напрасно японцы пытались пробраться в трюм, металлические двери были наглухо задраены. Изнутри слышалась русская речь. Враги успели спастись только бегством. «Стерегущий» быстро пошел ко дну.

Позже стало известно, что кингстоны (клапаны затопления) открыли матросы И. Бухарев и В. Новиков. Понятно, в каких мучениях они приняли смерть. Вода не сразу заполняет отсек, и воздушная пробка продляет страдания обреченных людей. Понимали это и они, русские матросы, спасавшие ценой жизни свой эсминец от позора плена.

В 1911 году в Питере в назидание потомкам поставили памятник «Стерегущему». Вспомним и мы нашего земляка из деревни Еловка матроса Василия Новикова.

[в содержание...](#)

Судьба солдата

О первой мировой войне 1914-1918 годов мы знаем так мало и скудно, что весь этот исторический пласт фактов и событий просто выпадает из поля зрения. Однако в Белове было много участников империалистической войны. Даже в 1960-х годах по документам горсобеса в городе на учете было несколько десятков ветеранов и инвалидов первой мировой. Все они имели награды, участвовали во многих боях и сражениях.

Беловчанка Л.А. Антонова рассказала историю своего деда по отцовской линии Дмитрия Ермиловича Антонова. Родился он примерно в 1885 году в деревне Полысаево Кольчугинской волости

(ныне Ленинск-Кузнецкий район). После действительной службы в царской армии женился он на крестьянке из села Конево Софье Константиновне Коневой.

Незадолго до войны появилась у них дочь Феодосия. А когда объявили мобилизацию в армию по случаю войны с кайзеровской Германией, жена ждала второго ребенка.

Ушел Дмитрий Ермилович на войну в четырнадцатом году, и сын родился уже без него. Попал сибиряк в 407-й Саранский пехотный полк 102-й дивизии. Участвовал в боях до осени 1916 года. Его дивизия в составе 34-го армейского корпуса 8-й армии Южного фронта крушила австрийскую оборону во время Брусиловского прорыва, участвовала в десятках сражений.

К счастью, сохранились письма с фронта, которые писал Д.Е. Антонов домой. Бережно хранятся они в семейном альбоме его внуки.

Написанные карандашом более 80 лет назад, они хранят тепло рук, полувыцветшие строчки полны неистребимой тоской по дому, по родным и близким. В письмах множество поклонов родственникам и знакомым и страстное желание солдата хоть на миг перенестись к любимой жене и детям.

В последнем письме, написанном собственноручно осенью 1916 года, Дмитрий Ермилович писал: «Ухожу в бой, молитесь за меня». Видимо, этот бой для него был последним. Потому что через некоторое время пришло домой письмо, написанное незнакомой рукой. Оказалось, что после тяжелого ранения попал Д.Е. Антонов во 2-й военный госпиталь Елизаветинской общины на Сенной площади в Киеве.

Писать сам он уже не мог, и по просьбе раненого под диктовку весточку родным писала сестра милосердия Екатерина Соколова.

В письме, датированном ноябрем 1916 года, она уже от себя сделала приписку, где сообщала, что «... состояние Дмитрия Ермиловича очень тяжелое, и вряд ли он перенесет очередную операцию». Так и случилось. Он скончался в госпитале и был похоронен в Киеве.

После печального известия жена его Софья Константиновна с детьми из деревни Польшаево, где жила у свекрови Ефросиньи Афанасьевны, переехала в родную деревню Конево.

Для своих детей и будущих внуков она сохранила бесценные реликвии – фотографии и письма времен 1-й мировой войны. Небольшие прямоугольные конверты из серой бумаги со штампом «Действующая армия» – так выглядели тогда письма с фронта. Писал их Д.Е. Антонов на имя старшего в семье (так тогда полагалось) – своей матери Ефросиньи Афанасьевны Антоновой.

Читая солдатские письма, удивляешься, с каким уважением относились к родным и близким! Кстати, старожилы всегда обращались друг к другу по имени-отчеству. Оттуда и пошло, что даже в семьях дети родителей называли на «вы».

Вот такая судьба, одна из многих судеб тысяч русских солдат, не вернувшихся с той далекой войны.

На снимке: солдаты телеграфной роты 4-го Сибирского корпуса.

1915 год. Н.И. Зяблицев крайний справа.

Старейший журналист города, Александр Никифорович Зяблицев поделился с автором фотоматериалами из семейного архива. Он рассказал о своем отце Никифоре Ивановиче Зяблицеве (1888 – 1953). Н.И. Зяблицев служил в крепости Владивосток. Затем воевал в составе 4-го Сибирского корпуса с германцами. Никифор Иванович сохранил редкие фотографии периода Первой мировой войны.

На снимке: солдаты 9-й Сибирской дивизии на митинге 1 Мая 1917 года.

Румыния, город Галац.

[В содержание...](#)

О чем поведала старая фотография

У беловчанина Геннадия Михайловича Егорова сохранился редкий снимок и рассказал о том, что услышал от своей матери Анастасии Ивановны: «Много лет в нашей семье хранится фотография 1914 года. На ней (вместе с двумя однополчанами) мой дядя, родной брат мамы – Андрей Иванович Калашников. Родился он примерно в 1897 году в деревне Бороденково Бачатской волости. Его отец Иван Ефимович Калашников 25 лет прослужил в царской армии на Дальнем Востоке. Первое время рядом с ним была жена Анна Ильинична, уроженка села Бачатского. Она работала горничной. Когда И.Е. Калашников вернулся в Бороденково, односельчане прозвали его «солдатом».

В 1914 году началась германская война. Из Кузнецкого уезда стали отправлять на фронт пополнения. Вместе с Андреем Калашниковым были призваны и другие односельчане. В Томске, где сначала Калашников попал в запасной полк, он и сфотографировался. Этот снимок, посланный в письме на долгую память родным, и был единственным, что осталось. Имена и фамилии тех, кто оказался на фотографии рядом с Андреем, неизвестны. Рассказывали, что один был из Бачат (он сидит на стуле), а второй слева земляк из одной деревни. Когда Андрея забрали на фронт, ему только что исполнилось 17 лет. Худощавый, невысокого роста, он выглядел совсем мальчишкой. Солдаты постарше его жалели.

Отправляли на сборный пункт со слезами. Андрей, никогда не бывавший нигде дальше своей деревни, сильно скучал по дому, по родным. В момент приступов тоски даже пытался бежать домой.

Погиб он в первом же бою. Один из его земляков и однополчан (он на снимке слева) служил с ним в одном взводе. Вернувшись после войны в Бороденково, рассказывал, что перед наступлением, как он ни пытался удержать Андрея, тот первым выскочил из окна и бросился вперед. Погиб от осколка германского снаряда.

На снимке: А.И. Калашников с земляками. Томск.

[в содержание...](#)

ГЛАВА 4. СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО

Ярмарки

На территории нынешнего Кузбасса проводилось немало торговых ярмарок. Еще в XVII веке под стенами города Кузнецка каждое лето устраивался так называемый калмацкий торг. Кочевники из Хакасии, с верховьев Оби, из различных углов Кузнецкого уезда пригоняли скот, привозили много пушнины, ремесленных изделий. Все это с большой выгодой для обеих сторон обменивалось на российские товары. В «Статистическом обозрении Сибири» за 1810 год говорится, что купцы в Кузнецком уезде торгуют больше мягкой рухлядью (мехами), лошадьми, получаемыми от сагайских татар, и мелочными товарами. Крестьяне сел и деревень нынешнего Беловского района покупали и продавали товары довольно далеко от дома. Обозы ходили в Кузнецк, Томск, Бийск, Новониколаевск и даже до Тобольска, Чары и Иркутска.

Необходимо упомянуть и еще о двух торговых центрах, где часто бывали жители Кузнецкого округа. Это села Берское (теперь г. Бердск Новосибирской области) и Камень (Камень-на-Оби).

Но особенно большой популярностью у крестьян пользовались местные ярмарки. Согласно отчету за 1886 год, в Кузнецком крае было семь больших ярмарок. Они назывались по дням церковных праздников. Обычно ярмарки проходили осенью, когда был убран урожай.

В селе Баяновском Мунгатской волости (ныне это Крапивинский район) она начиналась 14 сентября и продолжалась полмесяца, до 1 октября (все даты указаны по старому стилю). Называлась Крестовоздвиженской. Особенно крупной, с огромным товарооборотом, была конная Дмитровская ярмарка в селе Брюхановском. Она считалась лучшей на 300 верст вокруг.

В Брюхановское часто приезжали крестьяне из Караканской, Бачатской и Телеутской волостей, а особенно из близко расположенных деревень Колмогорова, Грамотеина, села Старо-Пестеревского.

Лишь только заканчивалась Дмитровская ярмарка, начиналась Михайло-Архангельская в Салаирском селе 8 ноября и шла неделю – до 15 ноября. В это же время разворачивались торги на Михайловской ярмарке в селе Тогульском Уксунайской волости. 13 ноября начиналась Иоанно-Златоустовская ярмарка в селе Кауракском Тарсьминской волости (ныне Промышленновский район) и продолжалась более недели.

Кроме этого летом проходила Ильинская ярмарка в Кузнецке и осенняя Козьмо-Демьянская.

В 1888 году на ярмарки было привезено товаров на 284 тыс. рублей. Более пяти тысяч покупателей побывали в торговых рядах, истратив на продовольственные и промышленные товары 148 тыс. рублей.

В экспозиции новосибирского краеведческого музея хранятся довольно любопытные материалы о ярмарках, проходивших в Томской губернии в конце XIX века. Кроме уже названных, в то время немалой известностью у купцов, торговцев и крестьян Кузнецкого округа пользовались еще несколько специализированных ярмарок. Одна из них Сузунская. В Сузуне работал старейший в Алтайском округе медеплавильный завод. На ярмарке можно было купить множество необходимых в хозяйстве вещей: подсвечники, посуду, весы, гири и многое другое. Славилась Сузунская ярмарка и другими товарами: кожевенными, жировыми. Продавали здесь лошадей и крупный рогатый скот.

В селе Спасском, тоже крупном ярмарочном центре (ныне Венгерово Новосибирской области), работало два кирпичных завода. В конце XIX века кирпич для окрестных сел производили предприятия купцов Тюрина и Бушманова. Кирпичи эти отличались особой прочностью, которая достигалась умелым подбором состава глины и искусством обжига. На каждом таком кирпиче, а он был больше и тяжелее современного, ставились торговые знаки владельцев. Это были оттиски начальных букв фамилий хозяев. Строения из такого кирпича сохраняют свою прочность уже более ста лет.

Кроме стройматериалов, на ярмарке в Спасском можно было купить промышленные товары, продукты сельского хозяйства.

В самом Новониколаевске с 6 по 20 декабря проходила ярмарка на базарной площади, шла торговля на мелких торжках ближайших сел. Их общий товарооборот достигал в 1913 году 86 млн. рублей.

Ярмарочными центрами были большие села Маслянино, Медведское и Ордынское.

Для жителей сел и деревень Николаевской, Телеутской, Караканской и Бачатской волостей ближайшим местом торговли, обмена и продажи товаров было село Бачатское.

«Бачатская ярмарка проходила один раз в год. Начиналась она в день святых Козьмы и Демьяна 1 ноября и шла неделю. Поэтому она получила название Козьмо-Демьянской». (Г. Артемов. «История

Беловского района”). Интересно отметить, что в городе Казани в этот же день начиналась грандиозная лесная ярмарка с товарооборотом более 1 млн. рублей. Она тоже называлась Козьмо-Демьянской.

Старожилы вспоминали, что многие годы ярмарка неизменно разворачивалась в живописном месте Бачат, и от людей, повозок и множества лошадей становилось тесно. (Сейчас на этом месте располагается здание больницы и детсада).

На ярмарке продавали изделия Гурьевского завода, привозили свою продукцию местные умельцы-столяры, кожевенники, шорники, кузнецы. Кузнечный промысел в селе Бачатском был развит особо, к тому же здесь было развернуто и кустарное производство охотничьего оружия.

На ярмарке можно было купить все необходимое для хозяйства, даже ковры, шелковые и бархатные ткани. По словам Г. Артемова, товарооборот ярмарки был внушительным. За одну неделю в 1892 году продано лошадей на 500 рублей, мануфактуры на 8050 рублей, немало пушнины (на 1770 рублей), кожевенных изделий (3000 рублей), кедровых орехов (800 рублей) и меда (900 рублей). Было продано товаров на общую сумму 31.470 рублей. Всего же в работе ярмарки в 1892 году приняли участие 1600 купцов, торговцев и прочих продавцов промышленных и сельхозтоваров. Покупателей же было меньше, около полутора тысяч. К 1912 году товарооборот Бачатской ярмарки достиг 300 тысяч рублей.

Кроме этого, существовали и малые ярмарки: в селах Караканском (она открывалась 30 ноября по старому стилю) и Старо-Пестерево (1 октября). В основном они торговали лошадьми, сельхозпродукцией, дичью, птицей и пушниной.

Александр Максимович Емельянов 1903 года рождения вспоминал: «В Мариинске проходила известная на всю губернию ярмарка. В базарные дни, среду и пятницу, приезжало много люду, особенно из деревень. Привозили сено, дрова, муку, мясо. А из города везли промтовары. Ниже базара, если спуститься к реке Кии, зимой был конный базар, и там же продавали скот».

Удивляет то, что базары и ярмарки проходили не в те дни, как принято сейчас. Например, по постановлению городской думы г. Новониколаевска ярмарка и торжки закрывались в воскресенье, а работали во все остальные дни.

Связано это с тем, что воскресный день люди посвящали церкви и отдыху. Нарушать эту традицию было не принято.

С картины художника А. Гранковского.

Деревенский кулак. 1879 год.

[в содержание...](#)

Кумыс – древнейшее лекарство

Старожилы рассказывали, что там, где находятся производственные корпуса энергостанции, до революции и в двадцатые-тридцатые годы XX века был обособленный телеутский поселочек. Вместо нынешней Беловской ЦОФ тянулись нескончаемые поля. Исконным занятием телеутов всегда было коневодство. Местные жители разводили лошадей. Они продавали в русские селения не только коней, но и целебный напиток – кумыс. В словаре Владимира Даля говорится: «Кумыс (кумыз) – квашеное кобылье молоко, любимый напиток кочевых племен».

Кобылье молоко заливали в специальные прокопченные кожаные мешки «сабы» или в кадки. От длительности брожения зависела крепость кумыса.

Целебные свойства этого напитка телеутам были знакомы давно. Об этом писал исследователь Сибири, натуралист и этнограф И.Г. Гмелин, посетивший бачатских телеутов в первой половине XVIII века. Питались телеуты исключительно натуральными продуктами: молоком, мясом, жиром, кумысом. «Кумыс пили все лето», – пишет в своей книге «История Беловского района» Г.И. Артемов.

Ветеран труда, старожил из Бабанаква Александра Ивановна Сукманова вспоминает, что ее отец был болен туберкулезом и лечился кумысом. Еще маленькой девочкой она часто ходила в телеутский поселочек за кумысом. Телеуты развозили этот лечебный напиток по ближайшим деревням.

Разъезжали такие кумысники и по улицам Бабанаква. Это хорошо помнят старики. Кумыса было много, его продавали ведрами.

Кстати, кумысолечение в наших местах – интересная, но, к сожалению, забытая страница практического здравоохранения.

В Томском госархиве хранится документ, в котором, в частности, упоминается, что «... в 1876 году учителю кузнецкого уездного училища Баландину из-за слабости здоровья был разрешен четырехмесячный отпуск для лечения кумысом в степи...».

Такая форма лечения была довольно распространена. Этот напиток не мог долго сохраняться свежим, поэтому перевозить кумыс на дальние расстояния было нельзя, больные сами ехали в телеутские улусы для лечения. Вообще применять кумыс с лечебной целью начали еще в глубокой древности, но более широко стали почитать кумыс как лекарство в семидесятых годах XIX века. «Больные жили в туземных поселениях и лечились без всякого врачебного наблюдения. Первая попытка научного подхода к кумысолечению была сделана в Сибири омским военным госпиталем, который организовал первую кумысолечебную станцию («Сибирская советская энциклопедия». Новосибирск. 1932. т.2).

Справочник, изданный в Новониколаевске в 1912 году, отмечает, что на всех окрестных курортах в изобилии продавали кумыс. В верховьях реки Чарыш, в западной части Алтая, располагался лечебный курорт Тюдрала. Рекламные проспекты тех лет утверждали, что «... больные легкими очень хорошо отзываются о благотворном действии этого курорта – были случаи зарубцевания пораженных легких. Фактором, восстанавливающим здоровье, является горный воздух и хороший кумыс...».

Славились своим лечебным напитком такие курортные места, как Белокуриха, Карачи, Черный Ануй, Чемал, Рахмановские ключи и другие. Жизнь на этих, тогда еще диких курортах, была сравнительно недорогой. Барана можно было купить за 2 рубля, курицу за 20 копеек, литр молока стоил 5 копеек, сотня яиц – рубль, ведро кумыса – от 50 копеек до рубля. (Для сравнения: средняя заработная плата рабочего в 1912-1913 годах – 25-30 рублей в месяц).

Хотя много говорилось о пользе кумыса, как о средстве лечения туберкулеза легких и лимфатических узлов, истощения, анемии, желудочно-кишечных заболеваний, сейчас об этом давно уже забыли. Как забыто и древнее искусство изготовления кумыса. Председатель национально-территориального комитета самоуправления поселка Заречное (бывший телеутский Большой улус) Анна Дмитриевна Тыдыкова, всю жизнь прожившая в родном поселке, рассказывала, что таких умельцев у них уже давно нет.

[в содержание...](#)

Оружейники

*.. У всех винтовки,
двустволки, штуцера,
кремневки к стрельбе готовы..*

А. Мицкевич. «Облава».

Местные охотники покупали оружие и припасы в Кузнецке, Барнауле, Томске, Новониколаевске. Славился специальный магазин с пороховым складом под общим названием 'Торговый дом М. и К. Порсевых» на углу Николаевского проспекта и Тобизеновской улицы в Новониколаевске. В про-

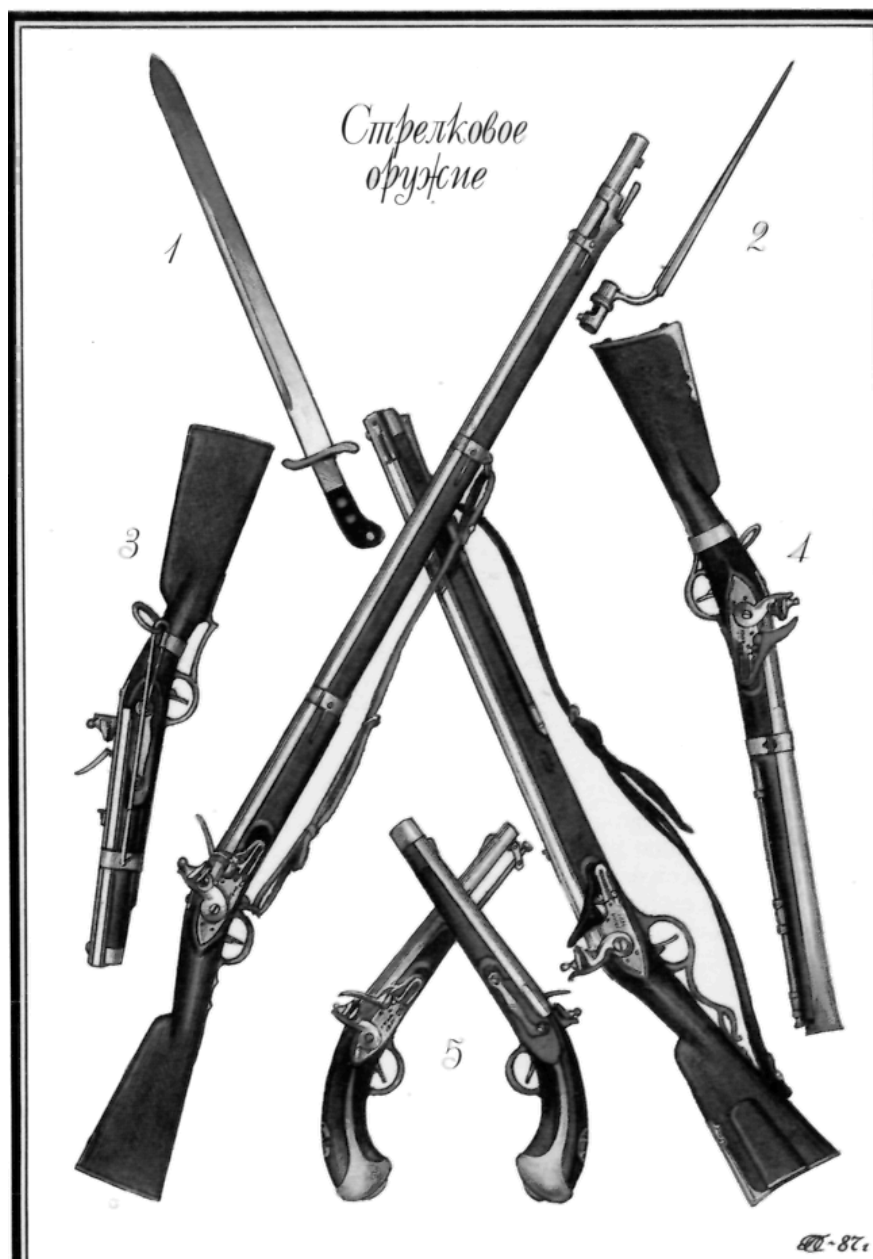
даже для охотников и путешественников был большой выбор оружия. Об этом свидетельствуют рекламы в газетах «Обская жизнь» за 1912 год. Братья Порсевы торговали всевозможными двуствольными и одноствольными ружьями. На полках магазина стояли банки с порохом производства Акционерного общества Виннера и Русского общества.

Торговый дом имел «представительство И.Ф. Петрова и других русских фабрик». В монографии В.Е. Марковича «Охотничье и спортивное стрелковое оружие. История развития за период с 1886 по 1941 гг.» удалось найти интересные сведения. «Петров Иван Федорович: в городе Ижевске. Выпускал хорошие недорогие ружья и массу промысловых винтовок. Основал собственную оружейную фабрику, на которой ввел машинную разработку ружей нескольких усовершенствованных систем. Фирма существовала до первой мировой войны 1914-1918 годов».

Таким образом удалось установить, как охотничье оружие ижевских мастеров попадало в наши места. Ведь некоторые образцы с клеймами фабрики И.Ф. Петрова встречались в Беловском районе и в городе. Об этом рассказывали старожилы.

Магазин Порсевых реализовывал и боевое оружие, с которым сибиряки охотились на крупных хищников: медведей, волков, лосей. Состоящая тогда на вооружении винтовка системы Бердана особенно ценилась охотниками за меткий бой и высокую убойную силу. Такие винтовки тогда в магазине стоили от 7 рублей 50 копеек и выше. Продавались револьверы, автоматические пистолеты, дробовые ружья системы Браунинга и многое другое. Но для многих местных промысловиков в начале XX века такое оружие было недоступно. Поэтому охотники пользовались услугами кустарей. С давних времен старожилы охотились с так называемыми «сибирками». Такие сибирские промысловые винтовки работы местных кустарей-оружейников имели большое распространение. Среди кустарей были свои знаменитости. Например, в Тобольской губернии славились винтовки «сузгунки», изготавливаемые в деревне Сузгун в восьми верстах от Тобольска. Лучшими были образцы работы мастеров Никитиных – Пискуновых. В Гурьевском краеведческом музее сохранилось подобное кремневое ружье кустарного производства. Возможно, такое оружие сделано в нашем районе. Этому есть подтверждение. Согласно документальным источникам, в селах Шестаки, Бачатское и Мамонтово в конце XIX века был развит кузнечный промысел, мастера чинили ружья, делали капканы. Но самый интересный факт связан со старейшим в наших местах селом Бачаты. В довольно редком издании «Россия. Полное описание нашего Отечества» в томе, посвященном Западной Сибири, говорится, что в конце XIX века в селе Бачатском удалось организовать производство охотничьих ружей. Об этом же писал в 1956 году М.Н. Колобков в книге очерков о природе и хозяйстве нашего края под общим названием «Кузнецкий бассейн»: «...в Бачатах... возникает кустарное производство охотничьих ружей».

Мой университетский педагог, известный краевед Михаил Ефимович Сорокин (в прошлом гурьянин) считает, что, возможно, это производство наладили бывшие мастера Гурьевской механической фабрики. По документам Центрального государственного исторического архива России, гурьевских мастеров посылали на Урал и в Петербург, молодых мастеров отправляли в Тулу. Все они обучались оружейному делу. Была даже мысль организовать при механической фабрике специальное оружейное отделение. После 1861 года и ликвидации обязательного прикрепления к заводу многие мастера разбрелись по окрестным селам и открыли собственное «дело». Видимо, так в Бачатском и появилась оружейная мастерская. Старые охотники рассказывали о том, что им приходилось видеть ружья бачатской выделки..

[в содержание...](#)

История одного экспоната

В Беловском историко-краеведческом музее собрано немало экспонатов. На мой взгляд, есть и довольно любопытные. Сотрудник музея Вера Васильевна Голяк рассказывает о том, что беловчанин А.Г. Васькин передал в дар нашему музею уникальные раритеты прошлого и позапрошлого веков. Часть из них принадлежит периоду гражданской войны в нашем крае. Это штык от трехлинейки Мосина образца 1891 года, корпус ручной гранаты иностранного производства времен первой мировой войны. Особо интересен револьвер системы «Бульдог» калибра 9 миллиметров, который широко применялся в годы гражданской войны. Прошло более 80 лет, и поэтому механизм револьвера оказался полностью уничтоженным ржавчиной, но корпус и барабан оружия сохранились. Благодаря этому удалось определить марку и калибр револьвера. Любопытно то, что оружие привезено с мест боев легендарного в Кузбассе партизанского командира Федора Сухова. Сейчас можно только предположить, каким образом оружие иностранных систем попадало в наши места.

Магазины оружия работали в Томске, Барнауле, Новониколаевске. Сибирские жители с охотой приобретали револьверы «Бульдог», которые в то время выпускались в великом множестве и в Анг-

лии, и в Германии, и в других странах. Подобные модели изготавливали и русские оружейники. Кстати, револьверы «Бульдог» (названные так за короткий ствол) по русским каталогам назывались по-своему: «Стрелец», «Витязь», «Таежник»...

К 1918 году в России, в том числе в Сибири, скопилось большое количество оружия различных иностранных марок. Как правило, им вооружались местные партизаны и дружины самообороны.

Поэтому в наше время находки такого оружия в Белове и Беловском районе не так уж редки. В 70-х годах в Гавриловских пещерах мальчишки из железнодорожного пионерского лагеря «Орленок» нашли старый заржавленный револьвер. Об этом рассказал кемеровчанин В.А. Карюкин, бывший выпускник средней школы №80. Хотя деревянные части ручки сгнили, можно было установить марку оружия. Револьвер передан в один из музеев.

В Анжеро-Судженском историко-краеведческом музее также экспонируются револьверы системы «Бульдог». Как считают сотрудники музея, эти револьверы изготовлены в какой-то кустарной мастерской и использовались в годы гражданской войны на Судженских копях. В планах сотрудников беловского музея подготовка новой экспозиции.

*На снимке: шестизарядный 9-миллиметровый револьвер системы «Бульдог».
(Из фондов Беловского историко-краеведческого музея).*

[в содержание...](#)

Кузнецкие лошади

В наших местах знали толк в лошадях. Еще в конце прошлого века в регионе была создана особая порода лошадей – кузнецкая. Эта упряжная и верховая лошадь выведена русскими крестьянами-переселенцами. Долгие годы путем скрещивания монгольских местных пород с более крупными особями, привезенными из европейской части страны, разводили лошадей нового вида.

В 90-х годах XIX века их скрещивали с орловскими рысаками и тяжеловозами, в итоге появилась прекрасная лошадь, приспособленная для сибирских условий. В «Памятной книжке Томской гу-

бернии» за 1910 год говорится об этой породе: «...довольно рослая, выносливая лошадь с хорошим костяком, на невысоких, сильных, крупных ногах... Широко использовалась для верховой езды, для запряжки».

Кузнецкая лошадь до 1917 года очень высоко ценилась: трехлетка стоила 100-200 рублей, племенная – 300-400 рублей. (Средняя зарплата рабочего составляла 35-45 рублей в месяц). Тройка кузнецких лошадей проходила перегон в 30-40 верст (одна верста равна 1067 метрам) рысью без остановки за 3-4 часа. Гоняли тройки в Кузнецк, Кольчугино, Новониколаевск. В русско-японскую войну вся артиллерия 5-го Сибирского корпуса перевозилась лошадьми кузнецкой породы.

Первая мировая война нанесла конскому поголовью огромный ущерб. После Февральской революции коневодство в Кузнецком округе пришло в упадок. Все земли для выпасов ценнейших табунов были отобраны и разделены на покосы. Золотой племенной фонд кузнецкой породы оказался на грани вымирания. Сдуру забрав все у старых хозяев, угробили массу молодняка, изгнали коневодов-специалистов, ограбили конефермы, растащили корма.

Агроном П. Насонов в статье «Кузнецкая драма», помещенной в газете «Сибирская жизнь» за 14 сентября 1917 года, с горечью писал о том уроне, который нанесла революция важнейшему делу – селекции кузнецкой породы лошадей. «Пока время не упущено, – призывал к здравому смыслу новую власть Насонов, – необходимо принять все меры к сохранению ценного племенного материала. Губернскому земельному комитету надлежит принять все меры, чтобы культурное кузнецкое коневодство не было уничтожено. Необходимо все постановления местных комитетов признать незаконными и отменить...»

До 1917 года в Кузнецком уезде, в частности, в Бачатской волости, было немало умелых и знающих коневодов. Например, С.М. Здорин до революции держал 50 лошадей, 40 голов крупного рогатого скота и арендовал около 1400 десятин земли. Один из известнейших коневодов уезда Ф.С. Пьянков имел 492 лошади, более 100 коров. Для выпасов и выращивания кормов Пьянков арендовал 4500 десятин. В табунах П.П. Ермолаева насчитывалось 690 лошадей. Общее количество земли, которую обрабатывал и содержал под покосами этот богатый и предприимчивый мужик, перевалило за 7 тысяч десятин. У конезаводчика П.Ф. Канева в Кузнецке «порубили всю поскотину, выгнали всех лошадей, часть жеребят погибла от волчьих зубов», – указывается в архивных документах того времени.

Только в 1945 году в Новосибирской области был создан специальный госплемзавод по разведению кузнецкой породы. Кузнецкие лошади распространились по всей Кемеровской области, в том числе и на территории Беловского района.

[в содержание...](#)

Сибирский климат

*Нигде во всем мире климат не действует так враждебно,
как в Сибири, на растительную и животную жизнь,
не исключая и человека....*

*Исследователь Сибири,
академик А.Ф. Миддендорф (1815-1894гг.*

Беловчане-старожилы, говоря об особенностях наших мест, отмечали, что сибирский климат всегда отличался резким контрастом. Зимы здесь, как правило, поражали сильными морозами, а лето жестоким зноем.

В конце XIX века и даже в начале XX в деревнях мало кто имел возможность определить температуру воздуха даже по простейшим приборам. Если и были градусники, барометры, то обычно в волостных правлениях, у состоятельных людей, да у немногочисленной сельской интеллигенции.

Хотя еще в 1784 году ученый метеоролог Эрик Лаксман построил вблизи Иркутска первый в Сибири стекольный завод, который, в частности, изготавливал термометры.

А климат в былые столетия был еще более неласковым, чем сейчас. В Кузнецком округе, куда входила и деревня Белово, даже летом день и ночь как бы находились на противоположных температурных полюсах. Ночные морозы сменяли жаркие дневные часы. На основе многолетних наблюдений можно с уверенностью утверждать, отмечает Сибирская Советская энциклопедия (Новосибирск. 1932 – т.2 стр. 753), что «...в отдельные годы не свободен от ночных морозов даже самый теплый месяц – июль».

Томский государственный архив хранит немало любопытных документов, рассказывающих об интересных природных явлениях и особенностях климата, погодных условиях Кузнецкого округа. Например, в июле 1838 года в деревнях Бачатской волости Беловой, Бабанактовой и прочих стояли невиданно жаркие дни. Страдали не только посевы, но и люди. Самое страшное было то, что дикий зной днем сменялся нестерпимым холодом ночью. От таких резких перепадов температур появилось много заболевших. В селе Бачатском волостная больница оказалась не в силах помочь всем обратившимся за помощью крестьянам. В деревнях Беловой, Сидоренковой, Поморцевой, Менчерепской, да и во многих других никакой медицинской помощи не было, не сохранились и данные о количестве заболевших в Бачатской волости летом 1838 года.

Однако до нас дошли документы Томского государственного архива. Один из них довольно любопытен: «От сильного зноя днем и нестерпимого холода ночью в городе Кузнецке с 26 июля появилась болезнь под названием «воспалительная горячка». До 9 сентября 1838 года, пока погода не стала более терпимой, заболело этой горячкой 132 человека. Местные «эскулапы» забили тревогу. Из города Томска был вызван лекарь Врачебной управы Попов. Он и спас положение. «Эпидемия» стала отступать. 127 человек заболевших удалось спасти. Последствия климатического влияния оказались пагубными для пяти человек. Все они скончались».

Нужно отметить, что такой резкий перепад дневной и ночной температур был особенностью климата Западной Сибири. Знойные летние месяцы, частые опустошительные засухи в Кузнецком уезде, а, следовательно, и в Бачатской волости, были отмечены, как правило, в те годы, когда выдавались особо морозные зимы. Есть свидетельство, рассказывающее о том, что в декабре 1847 года в наших местах стояли сильные морозы, которые удивили своей суровостью даже коренных сибиряков.

В донесении окружного исправника говорилось: «23 декабря (по старому) 1847 года солдат кузнецкой инвалидной команды Карл Шлявский, выйдя из штофной (винной) лавочки, в подпитии упал возле нее и скончался, так как этому способствовал страшный холод...».

Сейчас климат в наших местах стал более мягкий – к такому выводу приходят специалисты.

Репродукция сделана с дореволюционного рисунка Каверзнева «Похороны».

Так в первой половине XIX века в Кузнецком округе умерших провожали в последний путь.

[В содержание...](#)

Сибирский телеграф

Накатанный арестантскими обозами, безлюдными просторами пролегал нескончаемый Сибирский тракт. Дикие таежные «урманы» сурово теснили дорогу. Через эти дремучие, забытые Богом места, перемахнув через реки, озера и леса, шагнули линии сибирского телеграфа. Пожалуй, после почтовой связи телеграф для Сибири имел значение особое. Связав окраину с центральными губерниями, телеграф приблизил далекий и дикий край к России.

Первая телеграфная линия в Сибири от Екатеринбурга до Омска проведена была в 1862 году, а в следующем году телеграф уже работал в Томске. Дальнейшее промышленное освоение территории Кузнецкого округа привело к созданию в 1863-1870 годах многоверстовой магистрали, соединившей соседний с нами Мариинск с Новониколаевском на Амуре. Вслед за постройкой магистральной линии были созданы ответвления к Барнаулу, Змеиногорску и другим городам. В 1881 году телеграфную линию провели до уездного Кузнецка. Это памятное и значительное событие в нашем округе положило начало созданию целой сети телеграфных отделений и пунктов.

Ново-Николаевскъ. Почта и гостинница „Метрополитенъ“

На снимке:

здание почты в Новониколаевске, где находился телеграф. Начало XX века.

(Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1933.т.3 с.639).

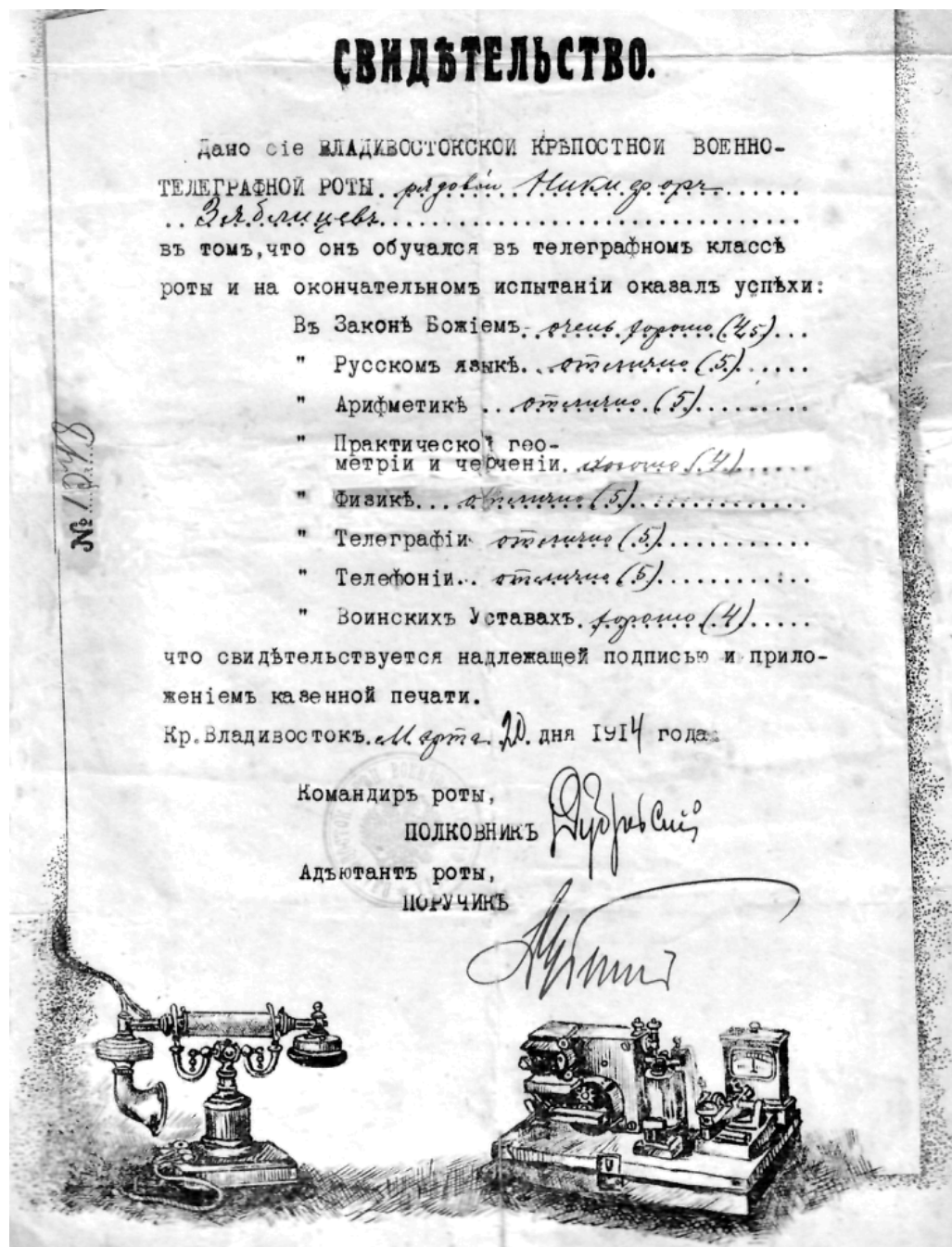
Сначала почтово-телеграфные конторы и отделения появились в крупных волостных селах Бачатском, Брюхановском, а также в горнодобывающих и промышленных центрах. В «Памятной книжке Томской губернии» за 1904 год отмечалось, что в Салаире действует почтово-телеграфное отделение. Телеграфной связью были обеспечены Гурьевский завод, крупные населенные пункты Алтайского горного округа: Сорокино, Заринск и другие.

Во время недавней поездки журналистов города в село Красное, соседнего с нами Ленинск-Кузнецкого района Нина Ивановна Калиничева, директор местного музея, кроме прочих достопримечательностей села показала двухэтажный дом. В нем до революции помещалась Брюхановская почтово-телеграфная контора. Оказывается, в этом доме, основательно вросшем от времени в землю, когда-то размещался телеграф с начальником, телеграфистом и даже 2-3 учениками. Еще раньше, судя по документам, телеграфист работал в одноэтажном доме купца Богданова.

В деревне Белово открытие телеграфа связано с именем Сергея Григорьевича Вавилова. С.Г. Вавилов начал работать по почтово-телеграфному ведомству в Томской губернии с 1915 года. Этому ведомству подчинялась и Бачатская почтовая контора. В Бачатах телеграфное оборудование появилось еще в начале XX века. Когда в 1922 году С.Г. Вавилова назначили в село Бачатское телеграфистом, Бачаты были волостным центром, объединявшим множество сел и деревень. Начальник Бачатской почтово-телеграфной конторы Чертков имел в своем подчинении четырех телеграфистов. Работы было всегда много. Большое, более 600 дворов торговое село с трехтысячным населением, с 1920 года стало еще многолюдней. Из Забайкалья в Бачатское была переброшена 103-я стрелковая брига-

да. Приходилось передавать телеграфные сообщения, приказы, сводки в штаб округа в Новониколаевск, в Кузнецк, Гурьевск, Салаир, где стояли части бригады.

Хотя почтовая контора в деревне Белово открылась в 1924 году, телеграф появился здесь намного позже, только с началом строительства цинкового завода. С.Г. Вавилова в это время перевели в Белово. Он стал работать на телеграфном аппарате Морзе. Почтово-телеграфная контора находилась в переулке, который так и называли – Почтовый. Название это сохранилось до наших дней.

Свидетельство об окончании Владивостокской крепостной военно-телеграфной роты. 1914 год.

Беловчанин Никифор Иванович Зяблицев во время действительной службы во Владивостоке окончил школу военных телеграфистов. Было это перед первой мировой войной. школа отличалась высоким уровнем профессиональной подготовки и курс обучения в ней был достаточно продолжительным – около трёх лет. Никифор Иванович до последних дней жизни (умер он в 1953 году) сохранил память о своих сослуживцах: Панченко, Николенко, Плотникове, Дугине и других. В годы первой мировой войны Н.И. Зяблицев служил в телеграфной роте 9 – Сибирской стрелковой дивизии.

*На снимке; Н.И. Зяблицев у телеграфного аппарата (в палатке)
обеспечивает связь со штабом 4- Сибирского корпуса.
Рядом с палаткой командир телеграфной станции
Малявинский и ординарец штаба. 1915 год.*

[В содержание...](#)

Литература и источники

1. Артемов Г.И. История Беловского района. – Белово, 1996. – 158 с.
2. Бедин В., Кушникова М., Тогулев В. От Новокузнецкого острога до Кузнецкстроя. – Кемерово, 1998. – 460 с.
3. Волченко А.В. Из истории административно-территориального деления Кузбасса (1618 – 1962гг.). – Кемерово, 1963. – 15 с.
4. Ерошов В.В. Кимеев В.М. Тропою миссионеров. Алтайская духовная миссия в Кузнецком крае. – Кемерово, 1993. – 132 с.
5. Ивановский С. Записки миссионера Бачатского отделения за 1864 год // Православный Благовестник. – М., 1895 № 12 – 12. – С. 160-171.
6. Кимеев В.М. Касьминские чалдоны. Быт и культура русских старожилов Касьминской волости, – Кемерово, 1997. – 250 с.
7. Миллер Г.Ф. История Сибири. – М. – Л. Издательство АН СССР, 1937. – т.1. – 608 с.
8. Мытарев А.А. От Абы до Яи. Географический словарь Кемеровской области. – Кемерово, 1979. – 216 с.
9. «На штурм» Городская газета. 1932 – 1933 гг.

10. Сибирская советская энциклопедия. – Новосибирск, 1932 – 1936. – т.2 – 1153 с.; т.3. – 805 с.
11. Сорокин М.Е. Возрожденная из праха // Разыскания: Историко-краеведческий альманах. Выпуск 2. – Кемерово, 1992. – С. 100 – 108.
12. Справочная книга по Томской епархии за 1902 – 1903 годы. – Томск, 1903. – С. 57-62.
13. Справочная книга по Томской епархии за 1909 – 1910 годы. – Томск, 1911. – С. 12 – 340.
14. Шабалин В.М. Тайна имен земли Кузнецкой. Краткий топонимический словарь Кемеровской области. – Кемерово, 1994. – 224 с.

Архивы и экспозиции Гурьевского краеведческого музея.

Архивы и экспозиции Кемеровского краеведческого музея.

Архив истории крестьянского быта села Красное.

Архивы и экспозиции Новосибирского краеведческого музея.

Архивы и экспозиции Новокузнецкого краеведческого музея.

Архивы и основные фонды историко-краеведческого музея г. Белово.

Государственный архив Кемеровской области, ф. п-9, оп.2, д.1351, д. 135; ф. п-19, оп 1, д. 29-31.

Государственный архив Томской области, ф.3, оп.2 дд. 1980, 2438, 447, 391, 380, 1978, 2023, 656, 679, 359, 1433; ф.99, оп.1, дд. 501, 31.

Фонды архива отдела администрации города Белово.

[в содержание...](#)